Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federatio n
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1140-1173, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1140
Journal homepage: http://bg.sutr.ru/

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 903.22

The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin

Leonid A. Bobrov [a, *], Viacheslav P. Zaytsev [b], Sergey P. Orlenko [c], Alexey V. Salnikov [d]

[a] Novosibirsk State University, Russian Federation
[b] Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
[c] Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber, Russian Federation
[d] Armavir Social and Psychological Institute, Russian Federation

Abstract

In the splendid and rich collections of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin Museums is stored a unique East Asian helmet currently inventoried as OR–2057. Over the past two hundred years, images and brief descriptions of this item have been repeatedly reproduced in various works from military history to philology. However, the helmet OR–2057 has not yet been the subject of independent scientific weapons research. The purpose of this paper is to provide a detailed description of the construction and decoration of the helmet OR–2057, as well as to confirm its dating and attribution.

The complex research and analysis of material, written and pictorial sources made it possible for us to clarify the dating and attribution of the helmet OR–2057, as well as the circumstances of its receipt into the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin.

The first mentions of the helmet in the Russian service documentation are connected with the embassy of Stepan Grechenin and Bazhen Kartashev sent to Ombo Erdeni Khong Tayiji (Badma Erdeni Khong Tayiji), ruler (Altan Khan) of the Khotogoid people, and his spiritual mentor Erdeni Dai Mergen Nangso, a lama of Tibetan origin. This embassy lasted from August 28, 1636 to April 23, 1637 (all dates are in Julian calendar). In the course of negotiations, in early February (presumably on February 4), 1637, Lama Erdeni Dai Mergen Nangso presented the helmet in question (as well as some mail and plate armour, and vambraces) as a "tribute" to Tsar Michael I of Russia. On October 28, 1637, the helmet was deposited in the treasury of the Kazenny Dvor (Treasury Court), and then in the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin.

Based on our research we discovered that the helmet was made within the tradition of weapon-making from the late Jurchen (early Manchu) period in the second half of the 1610s to the mid-1630s at one of the workshops of the Later Jin (1616–1636) state.[1] Thus, the helmet in question can be attributed as a late Jurchen or early Manchu helmet of the reign of Nurhaci (1559–1626) and Hong Taiji (1592–1643).[2]

[*] Corresponding author
E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), sldr76@gmail.com (V.P. Zaytsev), orlenko@kremlin.museum.ru (S.P. Orlenko), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

[1] In May 1636 the state of Later Jin changed the state name into the Great Qing.

[2] The circumstances of delivering the helmet to representatives of the Buddhist clergy in Mongolia are not currently known. It is most likely that the helmet was passed to Lama Erdeni Dai Mergen Nanso as an offering during one of his many trips to various parts of Central and East Asia.

The privilege of wearing a helmet with such decorations at the time of the Qing Empire (1636–1912) was granted (according to the *Huangchao liqi tushi*) only to representatives of a narrow stratum of the Manchu and Mongolian aristocracy — the "princes of blood" of the first and second ranks, that is, the *qinwang* and *junwang* (the bearers of the second and third most high titles in the Qing Empire). This allows us to suggest that the helmet OR–2057 could be originally made for one of the representatives of the highest nobility of the late Jurchen (early Manchu) state, whose social status was close to or equivalent to the status of persons who received the titles of *qinwang* or *junwang* during the Qing time. Thus, the helmet OR–2057 is one of the earliest known helmets to be of Late Jurchen (Early Manchu) manufacture that can be dated with a high degree of reliability and correlated with the armament of the Later Jin state's aristocracy. The latter fact predetermines the exceptional scientific value of the helmet in question as a reference for the dating and attribution of Later Jin and Qing helmets of the first half of the 17th century from museums and private collections in Russia and other countries.

Keywords: East Asia, Qing Empire, Later Jin, protective weapons, helmet.

1. Введение

Актуальным направлением современных оружиеведческих, археологических и исторических исследований является всестороннее изучение военно-культурного наследия маньчжурского, монгольского и китайского населения государства Хоу Цзинь (с 1636 г. — Цинской империи), которое на протяжении почти двух столетий оставалось ведущей военной и политической силой в континентальной Восточной Азии. Несмотря на обилие вещественных, изобразительных и письменных источников, данный вопрос изучен еще в недостаточной степени, что затрудняет датировку и атрибуцию образцов наступательного и защитного вооружения воинов «Восьмизнаменной армии», «Войск зеленого знамени», а также цинских вспомогательных подразделений, широко представленных, как в отечественных, так и в зарубежных музейных и частных собраниях.

Особый интерес в данной связи вызывают панцири, шлемы и дополнительные защитные детали цзяньчжоуского, хоу-цзиньского и цинского производства, датируемые концом XVI — первой половиной XVII в., то есть временем наивысшего расцвета позднечжурчжэньской (маньчжурской)[1] панцирной конницы, являвшейся главной ударной силой армий Нурхаци (1559–1626) и Хун Тайчжи/Хуантайцзи (1592–1643). Именно в этот период, в целом, сложился знаменитый «маньчжурский доспех», который послужил основой для создания унифицированной и регламентированной «панцирной униформы» Цинской империи (1636–1912), просуществовавшей (с некоторыми изменениями) вплоть до XIX в. включительно (Бобров, Худяков, 2003: 127–164, 267, 168, 197–201; Бобров, 2011: 37, 38, 44; Маньвэнь лао дан, 2013: 131, 138, 165). Подлинные образцы позднечжурчжэньского и раннеманьчжурского защитного вооружения, надежно датируемые первой половиной XVII в., крайне малочисленны и каждый из них представляет собой исключительную научную ценность.

В фондах Оружейной палаты Музеев Московского Кремля (ММК) хранится уникальный восточноазиатский шлем (инв. № ОР–2057), датируемый интересующим нас периодом (рис. 1). На протяжении последних двухсот лет изображения и краткие описания данного наголовья неоднократно воспроизводились в различных работах искусствоведческого, филологического и военно-исторического характера (см. ниже). Однако шлем еще не становился объектом самостоятельного научного оружиеведческого исследования.

Целью настоящей статьи является детальное описание конструкции и системы оформления шлема ОР–2057, а также уточнение его датировки и атрибуции.

[1] Хотя среди чжурчжэньских племен XVI — первой трети XVII в. существовало племя, называемое *маньчжоу* (滿洲), сам народ именовался чжурчжэнями (*чжушэнь* 諸申). Только в конце ноября 1635 г. Хуантайцзи «... запретил своим подданным именоваться чжурчжэнями и предписал впредь именоваться только маньчжурами» (Кычанов, 1997: 211–212; датировка этого события уточнена нами по «Тайцзун Вэнь хуанди шилу» 太宗文皇帝實録).

Рис. 1. Шлем ОР–2057. Общий вид. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению защитного вооружения традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружиеведческих исследованиях традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных и изобразительных источников (Бобров, 2011: 6–8).

Все даты русских источников приводятся в статье по юлианскому календарю (старый стиль) до 31 января 1918 г. (включительно), после 31 января 1918 г. — по григорианскому (новый стиль). Таким образом, за 31 января 1918 г. (старого стиля) будет следовать 14 февраля 1918 г. (нового). Даты европейских и китайских источников, переведенные на европейское летосчисление, до 4 октября 1582 г. (включительно) приводятся по юлианскому календарю, после 4 октября 1582 г. — по григорианскому. Таким образом, за днем 4 октября 1582 г. (юлианского календаря) будет следовать день 15 октября 1582 г. (григорианского). В случае необходимости, исключения, не вписывающиеся в эту схему, оговариваются отдельно.

3. Обсуждения и результаты

3.1 История изучения шлема ОР–2057 (краткий историографический обзор)

Первым исследователем шлема ОР–2057 был, по-видимому, А.Н. Оленин (1763–1843), известный российский государственный деятель на поприще культуры и просвещения, художник и

исследователь — «единственный универсальный ученый в России» (как его охарактеризовал современник А. фон Гумбольдт)[1], получивший, согласно сохранившейся расписке, 12 генваря (января) 1810 г. для «рассмотрения [и] истолкования» принадлежащие Мастерской и Оружейной палате рогатину с серебряною оправою и три шишака (из коих один русский с наушниками и с золотой насечкой, и два китайские) (Файбисович, 2006: 274)[2]. Если следовать хорошо известному сообщению Л.П. Яковлева[3], основанному на внутренних документах Московской Оружейной палаты, А.Н. Оленин, занимавшийся по высочайшей воле составлением описания древних одежд и вооружения, получил под расписку в 1810 г. именно шлем ОР–2057 (Опись... 1884: 19, № 4407; 21, 36; Опись... 1885: 64), из чего следует, что на тот момент последний был атрибутирован как «китайский шишак». Сразу отметим, что возвращены в Оружейную палату взятые предметы вооружения были только 18 июня 1843 г. — после смерти А.Н. Оленина 17 апреля 1843 г. и последовавшего «открытия» его кабинета с целью разбора бумаг и вещей, где они и были найдены (Опись... 1884: 19, № 4407; 21, 36; Опись... 1885: 64).

Как показывает анализ архивных документов и опубликованных работ, исследования А.Н. Оленина носили не только оружиеведческий, но и историко-филологический характер: санскритские надписи, нанесенные на тулью шлема, привлекали пытливый ум исследователя, пытавшегося докопаться до их сути. Среди бумаг и сочинений А.Н. Оленина, переданных в распоряжение Императорского Русского археологического общества Н.И. Стояновским в 1873 г. и его супругой А.Г. Стояновской (внучкой А.Н. Оленина) в 1898 г. (в настоящее время хранятся в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, далее — РО НА ИИМК РАН, фонд 7), находится любопытный документ «О мунгальском шишаке» или «Описание Азиатскаго Старинаго Шишака необыкновеной формы и отделки, с некоторыми к тому особеными примечаниями», датируемый по филиграни бумаги 1815 г. и известный по его началу как черновик письма С.С. Уварову (1786–1855) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 6. Л. 14–39).

Документ представляет собой черновой сборник различных выписок, замечаний, примечаний и «епиграфов» к мунгальскому шишаку, сделанных, по-видимому, в разное время и хорошо иллюстрирующих процесс изысканий А.Н. Оленина, в основном — в поиске разгадки надписей на шлеме. Именно эти материалы лягут в основу знаменитого письма Оленина о беспрестанной молитве ламаитов (см. ниже).

Среди листов этого документа находится и черновой карандашный рисунок, обведенный тушью (с небольшой акварельной раскраской драконов на полусфере подвершия). На нем показаны одна проекция шлема (вид сверху), деталь налобника (в двух масштабах) с изображением одного пятипалого дракона *лун* (ниже стоит подпись «Лонг или Китайский Змей принадлежащий к Императорскому гербу») и прорисовки надписей с тульи (для всех трех ярусов, но с одной стороны) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 6. Л. 18). Над графемами карандашом подписаны их чтения, показывающие, что эта дешифровка — очень ранняя (практически все они неверны)[4].

В 1824 г. в Санкт-Петербурге выходит в свет трехтомное сочинение дипломата Е.Ф. Тимковского (1790–1875) под названием «Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах», в третьем томе (части) которого приводятся некоторые сведения о священных книгах и молитвах монголов (Тимковский, 1824: 393–396). Поясняя молитву «Ом ма ни бат ме хом» (то есть мантру *oṃ maṇi padme hūṃ*), автор дополнительно отсылает читателей к ученому мнению об этом предмете А.Н. Оленина, которое тот, «в довершение многих одолжений» по изданию сочинения Тимковского, изложил в особом письме (Тимковский, 1824: 395–396). Это любопытное и объемное письмо (38 страниц основного текста и 4 страницы «Объяснения» к специально выполненным и приложенным четырем гравированным доскам), озаглавленное «Ом. Мани. Падме. Аум. Безпрестанная молитва ламаитов. Письмо о сем предмете А.О. к Е.Ф. Тимковскому» и датированное 3-м генваря (января) 1824 г., было помещено Тимковским в конце третьего тома своего труда (Оленин, 1824а), а также вышло отдельным изданием (оттиском) (Оленин, 1824б)[5].

---

[1] Голубева, 1988: 74.

[2] Обстоятельства, стоящие за этим, будут подробно рассмотрены нами в специальной работе.

[3] Как известно, многотомная «Опись Московской Оружейной палаты» была опубликована без указания имен ее составителей. Как убедительно доказала Е.И. Смирнова, автором двух ее книг — книги II, части III, озаглавленной «Броня» (1884), и книги III, части IV, озаглавленной «Холодное оружие» (1885), и, следовательно, автором всех описаний и атрибуций в них, является Лукиан Павлович Яковлев (13 июня 1829 — 187?) (Смирнова, 1973).

[4] Отметим, что в собрании графики Музеев Московского Кремля хранится несколько рисунков шлема, так же выполненных пером и тушью: вид с левой стороны (инв. № Гр-458/1), вид спереди с прорисовкой надписей на всех трех ярусах, но с одной стороны (инв. № Гр-458/3), черновые прорисовки надписей и мантр к гравюре с тремя проекциями (см. о ней ниже) (инв. № Гр-4014/2). См.: Богатская, 2014: 255–256, № 280–282. Судя по бумаге и исполнению, эти рисунки, по-видимому, составляли комплект (единое целое) с черновым рисунком из РО НА ИИМК РАН — вместе они дают три проекции, появляющиеся на гравюрах (см. ниже).

[5] Отдельное издание, ставшее к концу XIX в. библиографической редкостью, сопровождает дополнительный титульный лист (основной для этого издания), озаглавленный «Письмо А.О. к Е.Ф. Тимковскому о безпрестанной молитве ламаитов, с четырьмя гравированными досками. Из третьей части Путешествия в Китай

Не обсуждая все достоинства и недостатки этой работы, отметим лишь важные для нашего исследования моменты. Во-первых, на титульном листе письма (2-я гравированная доска) впервые публикуется рисунок шлема ОР–2057 (вид с левой стороны, шлем изображен на приподнимающей его переднюю часть подставке и сопровождается прорисовкой надписи с его верхнего яруса) (см. рис. 2). Во-вторых, публикуется прорисовка всех трех мантр[1] шлема ОР–2057 (4-я гравированная доска, строки «A»; заметим, что графемы *dme* и *hrī* в мантре с верхнего яруса здесь ошибочно поменяны местами). В-третьих, приводятся результаты первой и, насколько нам известно, единственной попытки дешифровки надписей на шлеме, а именно одной из них — мантры с верхнего яруса, прочитанной неточно как «ом мани падме аум»[2]. Здесь стоит сказать, что А.Н. Оленин абсолютно верно установил, что текст выполнен на санскрите, и также верно понял, что́ за мантра написана на верхнем ярусе, но, к сожалению, допустил некоторые неточности, на которые до сих пор не обратил внимания ни один исследователь, показавший свое знакомство с этой работой (необходимые пояснения мы дадим при описании надписей ниже). И, в-четвертых, предлагается атрибуция наголовья ОР–2057 как «монгольского шишака».[3]

Работа А.Н. Оленина удостоилась рецензии известного востоковеда Ю. Клапрота (1783–1835), одного из самых суровых и безжалостных критиков того времени, в которой он нейтрально представил новую публикацию публике, похвалил аккуратность печати текста и гравюр, и указал лишь на ошибки гравера при исполнении тибетской версии мантры (4-я гравированная доска, строка «F») (Klaproth, 1824). В рецензии Клапрот назвал шлем китайским — «un casque chinois en acier, damasquiné en or» (фр. «стальной китайский шлем с золотой насечкой») (Klaproth, 1824: 255).

Сочинение Е.Ф. Тимковского было переведено на немецкий (1825–1826), нидерландский (1826), французский (1827), английский (1827) и польский (1828) языки. Из них только немецкий перевод (а именно первое его издание в Лейпциге) содержит письмо А.Н. Оленина и все четыре оригинальные гравюры к нему, в другие издания оно не включалось.

Рис. 2. Изображение шлема ОР–2057 и прорисовка надписи с верхнего яруса. Фрагмент гравюры А.Н. Оленина. Из «Путешествия в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковского, 1824 г.

чрез Монголию в 1820 и 1821 годах» с цензорским разрешением А. Красовского от 13 генваря (января) 1824 г. на его обороте (Оленин, 1824б).

[1] Очевидно, что А.Н. Олениным была выделена повторяющаяся на каждом ярусе последовательность графем, интерпретированная как законченный текст. Этим, по используемой нами терминологии, отличается прорисовка надписи (когда приводятся все графемы яруса с одной или обеих сторон шлема) и прорисовка мантры (когда приводится прорисовка законченного текста без учета его повторов).

[2] Последующие исследователи лишь следовали данным А.Н. Оленина, меняя слог «аум» на «хум».

[3] Эта атрибуция, по словам А.Н. Оленина, была основана на следующем: «Отыскивая здесь [в Санкт-Петербурге. — Авт.], по некоторому особому поручению, разное завезенное сюда из Москвы старинное оружие, я нашел между прочим пребогатый и необыкновеннаго вида железный или булатный шишак с золотою насечкою. Форма его и двух драконов, принадлежащих к Государственному Китайскому Гербу, принятому и подвластными Богдоханскому владению Монгольскими племенами, на передке его или на *лбице* сего шишака золотою насечкою изображенныя, открыли мне, что сие оружие принадлежало какому либо Китайскому, а более того Монгольскому знаменитому воину, усердному поклоннику Будги [Будды. — Авт.] или Шака-муни [Шакьямуни. — Авт.], что доказывали неизвестныя мне до того времени буквы, которыми сей шишак был в три ряда украшен» (Оленин, 1824аб: 8–9).

Особо стоит отметить французское двухтомное издание, перевод для которого выполнил г-н N******** (имя переводчика нам раскрыть не удалось), отредактировал французский географ Ж.-Б. Эйриес (1767–1846) и опубликовал со своими исправлениями и комментариями Ю. Клапрот (Timkovski, 1827a). Хотя письмо А.Н. Оленина в это издание не было включено, однако к нему был приложен Атлас со всеми гравюрами и картами оригинального издания (как о том заявлено на титульном листе), дополненный статьей «Статистический обзор Китая» Ю. Клапрота (Timkovski, 1827b). Из четырех гравюр, сопровождавших письмо А.Н. Оленина, в этот Атлас, несмотря на заверения издателя, вошли лишь две (изображения Будды Шакьямуни, то есть 1-я и 3-я гравированные доски по нумерации Оленина), однако добавлена одна новая, которая не публиковалась в русском издании и, по-видимому, была предоставлена исключительно для французского (Timkovski, 1827b: pl. 11) (см. рис. 3). На этой гравюре (точнее литографии, выполненной с уже отпечатанной гравюры) представлены детализированные и весьма точные изображения трех проекций шлема ОР–2057 (вид спереди, сверху и с левой стороны) и деталь налобника с рисунком одного пятипалого дракона *лун*. Подпись под литографией, очевидно, ошибочно называет шлем индийским «Casque indien trouvé en Russie» (фр. «индийский шлем, найденный в России»), поскольку в тексте пояснения к ней Ю. Клапрот называет его всё же монгольским — «Casque mongol en acier» (фр. «стальной монгольский шлем») (Timkovski, 1827b: 28).

Рис. 3. Изображение шлема ОР–2057 в трех проекциях. Литография с гравюры А.Н. Оленина. Из Атласа к французскому изданию «Путешествия в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковского, 1827 г.

Нам не удалось найти других публикаций, в точности воспроизводящих подобные изображения шлема, поэтому, как было сказано, мы полагаем, что эта гравюра, была предоставлена А.Н. Олениным исключительно для французского издания. Учитывая, что Ю. Клапрот опубликовал рецензию на работу А.Н. Оленина, их та или иная связь между собой (возможно, непрямая) видится нам более чем вероятной. Кроме того, среди архивных материалов фонда А.Н. Оленина, хранящихся в РО НА ИИМК РАН, нам удалось найти другую типологически схожую гравюру (по-видимому, также не публиковавшуюся), которая и могла быть источником французского издания (литографирована с изменениями для него). Это гравюра, подписанная «Мунгальский шишак», находится в так называемой «Книге гравюр и рисунков к работам А. Оленина (рис. Ермолаева и Шустова, грав. Е. Скотников и М. Богучаров)» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 25. Л. 17). Любопытно, что в собрании графики Музеев Московского Кремля хранится черновой карандашный рисунок, легший в основу этой гравюры (инв. № Гр-458/2), а также два экземпляра этой же гравюры, раскрашенные поверх

акварелью (инв. № Гр-3488, Гр-3489)[1] (см. рис. 4).В Оружейную палату они поступили из Государственного Древлехранилища в 1882 г.[2] Теперь они и упоминавшиеся выше рисунки тушью (вид шлема с левой стороны, спереди и прорисовки) могут может быть надежно связаны с именем А.Н. Оленина (ср.: Богатская, 2014: 253–254, № 277), хотя кто, когда и с какой целью раскрасил две гравюры акварелью, пока выяснить не удалось. Возможно, это был Ф.Г. Солнцев (1801–1892) или сам А.Н. Оленин[3]. Дополнительно можно указать и на их возможное происхождение из так называемых «Оленинских портфелей», хранившихся в Древлехранилище (по данным на 1875 г.) и содержавших бумаги А.Н. Оленина и рисунки Ф.Г. Солнцева.

Шлем ОР–2057 на этих гравюрах (черно-белой из «Книги гравюр» А.Н. Оленина и цветных из собрания ММК) изображен в тех же трех проекциях, что и во французском издании (вид спереди, с левой стороны и сверху). Однако первая и вторая проекции расположены не рядом, а одна над другой. Основной рисунок, как и в упомянутом ранее черновом карандашном рисунке, дополнен изображением пятипалого дракона с налобника шлема (с китайской подписью *лун* 龍 «дракон» выше его). Пустое пространство заполнено несколькими изображениями монограммы Калачакры (тиб. *rnam bcu dbang ldan*) и другими надписями. Выше основного рисунка дана мантра *oṃ maṇi padme hūṃ*, выполненная «почерком» со священных ламайских знамен (следуя пояснению А.Н. Оленина), а под ним — прорисовки всех трех мантр шлема ОР–2057 (здесь так же, как на 4-й гравированной доске письма, графемы *dme* и *hrī* в мантре с верхнего яруса ошибочно поменяны местами), мантры *oṃ maṇi padme hūṃ*, выполненной разными «почерками», монограмма Калачакры и т.п. Отметим, что цветное изображение представляет для исследователя известный интерес, так как позволяет уточнить некоторые вопросы, связанные с комплектностью шлема по состоянию на первую половину XIX в.

Рис. 4. Изображение шлема ОР–2057. «Шлем маньчжурский XVII в. (в трех проекциях), надписи со шлема, фрагменты декора». Раскрашенная гравюра, акварель. Первая половина XIX в. Собрание графики ММК, инв. № Гр-3489.

[1]См.: Богатская, 2014: 253–255, № 277–279.

[2] Мы благодарны старшему научному сотруднику Музеев Московского Кремля И.А. Богатской за консультацию по этому вопросу.

[3] Как мы указывали выше, черновой рисунок А.Н. Оленина (с видом шлема сверху) так же имеет небольшую акварельную раскраску, однако цвета у него и на гравюре из ММК не совпадают: у Оленина драконы на подвершии раскрашены оливково-серым цветом, на гравюрах из ММК — цветами желто-оранжевых оттенков, что более соответствует действительности.

В 1844 г. новая атрибуция шлема ОР–2057 была предложена А.Ф. Вельтманом. Он, в частности, впервые обратил внимание на сходство рассматриваемого образца защитного вооружения с наголовьями воинов не только Китая и Монголии, но и Маньчжурии. В результате, наголовье был атрибутировано А.Ф. Вельтманом как «Шлем мунгальской или маджурской формы» (Вельтман, 1844: 79; вкл. между с. 78–79). При этом исследователь ошибочно соотнес данное наголовье с «шапкой Кучюмовской» («Casque de Koutchoum»): «Сибирскаго царя Кучюма (1581 г.) … Шлем мунгальской или маджурской формы, железный в три венца, с навершьем и трубочькой для перьев или волос; вокруг венцов слова, составляющия надпись. В описи 1687 года, по сказке мастеров, в казне была *шапка Кучюмовская*; в той же описи название это приписано одному из шлемов, поднесенному государю Борисом Петровичем Шереметевым; настоящая же помещена в числе так названных шапок железных калмыцких (опись 1687 г. лист 467), без сомнения в тоже время доставленных от Ермака» (Вельтман, 1844: 79). В издании 1844 г. изображение шлема было помещено на литографии рядом с ерихонкой «боярина и князя Ф.И. Мстиславского» и «шишаком и железной маской» (Вельтман, 1844: вкл. между с. 78–79). «Шлем мунгальской или маджурской формы» был изображен повернутым в пол-оборота влево, при этом пропорции и некоторые детали тульи, налобника, козырька и навершия были переданы художником не очень точно. Под рисунком помещены прорисовки надписей с тульи (для всех трех ярусов, но с одной стороны).

Во втором, вновь составленном, издании «Московской Оружейной палаты» 1860 г. А.Ф. Вельтман отказался от предложенной ранее интерпретации шлема как «мунгальского», обозначив его лишь как «шлем, маджурской формы» (Вельтман, 1860: 236). Отметим, что данный вариант атрибуции наголовья воспроизводился с некоторыми вариациями при публикации данного шлема вплоть до начала XXI в. (см. ниже). По сравнению с текстом издания 1844 г. добавилось также пояснение относительно надписей на тулье: «…начертания должны быть XIII века индо-тибетанския», хотя их прорисовки при этом из книги были убраны (Вельтман, 1860: 236). Рисунок шлема остался тем же, но воспроизведен непосредственно в тексте (в первом издании рисунки были литографированы и располагались на отдельных листах), отсюда заметны небольшие отличия в деталях, которые могут быть отнесены на счет другой техники печати. Ошибочное определение наголовья как шлема «Сибирскаго царя Кучюма (1581 г.)» в издании 1860 г. сохранилось (рис. 5).[1]

Рис. 5. Изображение шлема ОР–2057. Из второго издания описания «Московской Оружейной палаты» А.Ф. Вельтмана, 1860 г.

[1] Это представляется тем более удивительным, поскольку интерпретация шлема ОР–2057 как «шапки Кучюмовской», как совершенно справедливо отметил И.А. Комаров (Государева Оружейная палата, 2002: 304), была пересмотрена А.Ф. Вельтманом еще в 1853 г., что следует из соответствующего отделения «Древностей Российского государства», где «Шапка ерихонская „Кучюмовская“» атрибутирована и показана верно (Древности Российского государства, 1853: 15–16; Рис. № 14).

Л.П. Яковлев систематизировал документы прошлых лет и предложил свою атрибуцию данного наголовья. Он определил шлем как «Шолом манджурский» и дал краткое описание его конструкции: «Шолом манджурский, царю Михаилу Федоровичу прислал дани Тунгузской земли Лаба-Ирденей-Даинмен-Герланзу 28 Октября 1638 года. Колпак в три венца, по венцам наведена золотом надпись, буквы которой имеют некоторое сходство с буквами теперешней китайской азбуки; между словами развод и узор, наведены золотом же; колпак составлен из двух половин, склепанных гвоздями; снаружи по швам колпака наложены железные резные гребешки; на гребешках по четыре гнезда для камней; подвершье состоит из полушара и ободка железных, резаных на проем и вызолоченых, на них четыре красных и четыре зеленых камней, смазней и пятнадцать гнезд пустых; навершье, точеная вызолоченая трубка с гнездом для султана; полка железная золоченая, резана на проем, в ней три гнезда пустых. Весу в шоломе 3 фун<та> 15 золотн<иков> [около 1 кг 293 г. — Авт.]» (Опись..., 1884: 19). Текст был проиллюстрирован черно-белой фотографией трех шлемов в анфас, отпечатанной в технике фототипии (для определения размеров в кадре присутствует масштабная линейка). Компанию рассматриваемому наголовью составили клепаный монгольский цилиндроконический шлем конца XVI — середины 30-х гг. XVII в. (ОР–2058) и знаменитый цельнокованый западно- или среднеазиатский шлем с личиной XV — середины XVI в. (ОР–2056) (Рисунки..., 1884: табл. 342). Заметим, что шлем ОР–2058 назван в подписи к фотографии «Шапка булатная № 4418», а ОР–2056 и ОР–2057 — «Шоломы восточные №№ 4404, 4407» (Рисунки..., 1884: номера в подписях отсылают к описанию в основном тексте, см.: Опись... 1884).

В 1954 г. вышла в свет статья «Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении», подготовленная советским исследователем Ф.Я. Мишуковым (Мишуков, 1954). Основой эмпирической базы этой работы послужили предметы защитного вооружения периода позднего Средневековья и раннего Нового времени, хранящиеся в фондах Оружейной палаты Московского Кремля. В числе прочих боевых и парадных наголовий, Ф.Я. Мишуков рассмотрел и технологические особенности декоративного оформления шлема ОР–2057. По мнению исследователя: «Шлем своей формой, надписями и орнаментом деталей указывает на работу мастеров китайской провинции XVI–XVII веков» (Мишуков, 1954: 134). В подписи к фотографии (на которой наголовье показано с правой стороны) Ф.Я. Мишуков уточнил свою атрибуцию: «Шлем железный китайской (маньчжурской) работы. XVI–XVII века» (Мишуков, 1954: 134).

В 2002 г. в рамках каталога «Государева Оружейная палата» было опубликовано краткое описание шлема ОР–2057, а также его цветная фотография, где он изображен в пол-оборота вправо (Государева Оружейная палата, 2002: 54, 55, 304).[1] По данным И.А. Комарова, наголовье поступило в Москву в 1638 г. «...в качестве дани „из Тунгусской земли“» (Государева Оружейная палата, 2002: 54, 304). Шлем был атрибутирован как маньчжурский и датирован началом XVII в. (Государева Оружейная палата, 2002:54, 304). Описание шлема было дополнено интересными сведениями, касающимися истории изучения наголовья в XIX в. (Государева Оружейная палата, 2002: 304).

В 2003 г. Л.А. Бобровым и Ю.С. Худяковым была опубликована статья, посвященная защитному вооружению чжурчжэней и маньчжуров XI–XIX вв. (Бобров, Худяков, 2003). Среди прочих боевых наголовий авторами был изучен и шлем ОР–2057, а также приведены его изображения в двух проекциях (вид с правой стороны и спереди) (Бобров, Худяков, 2003: 157–159, 197, табл. 16, рис. 11; 198). На основании типологического анализа, наголовье было атрибутировано как маньчжурский (хоу-цзиньский) шлем конца XVI — первой трети XVII в. (Бобров, Худяков, 2003: 157–159, 197, 198). В историографической перспективе работа Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова стала первым исследованием, в котором шлем ОР–2057 был рассмотрен как оружиеведческий феномен.

3.2 Обстоятельства поступления шлема в Оружейную палату Московского Кремля

Установить условия и время поступления наголовья в царскую казну представляется возможным на основании анализа русской служебной документации первой половины XVII в.

Первые упоминания интересующего нас шлема в письменных источниках связаны с российским посольством Степана Гречанина и Бажена Карташева (Карташова) к хотогойтскому правителю Омбо-Эрдэни-хунтайджи (известному также как Бадма-Эрдэни-хунтайджи) и его духовному наставнику ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо (28 августа 1636 г. — 23 апреля 1637 г.).[2]

---

[1] Автором каталожного описания шлема ОР–2057 в этом и других подобных каталогах (см., например, каталог выставки: Treasures of the Moscow Kremlin, 1998: 50, № 31; 165–166, № 31) является И.А. Комаров (в 2002 г. — старший научный сотрудник сектора Оружия и конского убранства Музеев Московского Кремля, хранитель собрания доспеха). Поскольку мы не уверены, что смогли выявить все опубликованные каталоги с этим текстом и сопровождающими его фотографиями, то приводим в этом разделе данные только из самого позднего из них (как наиболее актуальные).

[2] Российская дипломатическая миссия 1636–1637 гг. была разделена на две группы. В задачи первой из них (руководители: Степан Гречанин и Андрей Самсонов) входили переговоры с хотогойтским правителем Омбо-Эрдэни-хунтайджи. Лидеры второй группы (томский сын боярский Бажен Карташев, подьячий Герасим Тимофеев) были ориентированы на ведение переговоров с ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо. Однако в ходе реальной миссии подобная дипломатическая «специализация» соблюдалась лишь отчасти (РМО, 1974: 50, 51, 62, 72, 73).

Держава хотогойтов была основана в конце XVI в. отцом Омбо-Эрдэни — известным монгольским военачальником Шолой-Убаши (1567–1627), принявшим титул «хунтайджи».[1] В период расцвета своего государства хотогойтские правители контролировали северо-западную Монголию, а также значительную часть Южной Сибири, вели продолжительные (часто успешные) войны со своими ойратскими и халхаскими соседями. Шолой-Убаши-хунтайджи стал первым монгольским правителем, с которым русское правительство установило прямые дипломатические контакты (1616 г.). Отмечая военно-политическое могущество хотогойтского владыки, русские дипломаты (вслед за ойратами и енисейскими кыргызами) стали именовать Шолой-Убаши-хунтайджи и его потомков почетным титулом Алтын-хан (монг. *altan qaγan*), то есть «Золотой хан» (Шастина, 1949: 385).

В начале XVII в. российские посланники регулярно посещали государство Алтын-ханов. В 1616 г. в ставку хунтайджи приезжал Василий Тюменец, в 1631 г. — Казый Карякин, в 1634–1635 гг. — Яков Тухачевский, Дружина Агарков и Лука Васильев, в 1636–1637 гг. — Степан Греченин и Бажен Карташев, в 1638 г. — Василий Старков и Степан Неверов. В ходе переговоров обсуждались вопросы политического, экономического и военного сотрудничества Русского государства и державы хотогойтов. При этом цели договаривающихся сторон различались весьма существенно. Московское правительство рассчитывало на то, что Алтын-ханы примут российское подданство и принесут соответствующую «шерть» (клятву). Хотогойтские хунтайджи, в свою очередь, воспринимали русских лишь как военных союзников, которых можно было использовать в борьбе со своими политическими противниками в Центральной Азии. Недопонимание и взаимные претензии привели к тому, что переговоры в 1638 г. зашли в тупик (Шастина, 1949: 384–387).

Важным элементом дипломатического этикета XVII в. был обмен дарами, в состав которых нередко включались предметы вооружения. Очередная партия таких подарков (которые московские дипломаты традиционно определяли как «дань») была передана российским посланникам в ходе переговоров в начале февраля 1637 г.

Так, в частности, Дайчин-нойон (брат Омбо-Эрдэни-хунтайджи) отправил царю Михаилу Федоровичу: «*...куяк*[2]*, наручи, шишак*[3] [здесь и далее курсив наш. — Авт.], ирбиз, барс, 2 розсомаки, рысь с коктями, 90 соболей, камка», а сыну московского правителя, царевичу Алексею Михайловичу — «пояс, серебром навожен» (РМО, 1974: 75, 86).

Другой брат хотогойтского правителя, Даян-нойон прислал в Москву «*...куяк*[4], барс, 4 сажени камки, 108 корольков белых, 5 бобров...» (РМО, 1974: 73–75, 86).

Что касается интересующего нас шлема, то он был преподнесен русскому царю влиятельным хотогойтским ламой тибетского происхождения Эрдэни Дай мэргэн Нансо (духовным наставником Омбо-Эрдэни-хунтайджи). По всей видимости, шлем (вместе с другими предметами «дани») был передан Эрдэни Дай мэргэн Нансо российским послам во время аудиенции 4 февраля 1637 г., в ходе которой лама дал «шерть» русскому царю (РМО, 1974: 59).

---

[1] Монг. *qung tayiǰi*, *quwang tayizi* от кит. *хуан тайцзы* 皇太子 букв. «августейший наследный принц (старший сын императора; наследник императорского престола)». Наиболее точный смысловой перевод на русский язык — великий князь.

[2] Судя по данным приходно-расходной книги Казенного приказа 146 (1637/1638) года (запись от 28 октября 1637 г.), а также описи царской казны 1640 г., доспех («куяк железный»), присланный Дайчин-нойоном, имел пластинчато-нашивную структуру бронирования, был крыт черной тканью, на которой был вышит тонкий белый растительный орнамент. Корпусный панцирь дополнялся наплечниками (или нарукавниками) и набедренниками. Значительная стоимость подарка свидетельствует о том, что качество доспеха было достаточно высоким: «Куяк с рукавы и с полами покрыт черным, а по черному травки мелкия белыя. Цена дватцать рублев. Прислал государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 1884: 39; Опись..., 2014: 105; Савваитов 1865: 61).

[3] Шлем, присланный Дайчин-нойоном, относился к категории клепанных, его поверхность была украшена чеканенными (?) желобками, а к нижней части наголовья крепилась трехчастная пластинчато-нашивная бармица, крытая атласной тканью с растительным орнаментом, выполненным из разноцветных нитей. Уже к 1640 г. составляющие купол шлема пластины разошлись, что, вероятно, повлияло на невысокую стоимость его оценки: «...шапочка железная Калмыцкая гладкая здолами наверху трубочка, у шапки наушки дощатые железные пробиваны гвоздьем, подложены ирхою покрыты камкою, цена 25 алтын» (Опись..., 1884: 39); «Шелом желобчат распаялся, стороны и зад прикрыты доски отласом травы розных цветов. Цена двадцать пять алтын. Прислал ко государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 2014: 105; Савваитов, 1865: 62).

[4] Судя по данным, зафиксированным в описи царской казны 1640 г., указанный доспех представлял собой пластинчато-нашивной корпусный панцирь с парой наплечников и зерцал, крытый цветной шелковой тканью китайского производства. Последняя, в ходе ревизии 1640 г., была определена как «плохая», что может свидетельствовать как о повреждении атласной «покрышки», так и о низком качестве самой ткани. Согласно описи, данный доспех был также прислан Дайчин-нойоном: «Куяк без рукав, у нево два наплечника да два щита, прикрыт китайскою камкою цветною плохою. Цена два рубли. Прислал ко государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 2014: 105; Савваитов, 1865: 61), однако, первичная документация (перечень подношений) подсказывает, что отправителем подарка выступал все-таки Даян-нойон (см.: РМО, 1974: 73–75, 86).

Первое известное нам упоминание о шлеме содержится в письме («челобитной») Эрдэни Дай мэргэн Нансо царю Михаилу Федоровичу, которое было составлено до отъезда московских дипломатов из ставки ламы (т.е. не позднее 4 февраля 1637 г.). Так, в частности, представитель ламаистского духовенства сообщает, что он: «…послал к тебе, к государю, дани своей — *шишак золочен* (sic!), *наручи*, *куяк*, ирбиз, ельбаз, барс, 100 соболей с хвостами и с пупки, 100 соболей без хвостов с пупки, шуба хвостовая соболья под камкою под червчатою» (РМО, 1974: 76).[1]

Российское посольство, к которому примкнули хотогойтские дипломаты, выехало из ставки Эрдэни Дай мэргэн Нансо предположительно 4 февраля 1637 г., в начале марта того же года посланники покинули пределы Монголии, 23 апреля прибыли в Томск, а в октябре 1637 г. — в Москву (РМО, 1974: 33–78).

В конце октября 1637 г. — середине февраля 1638 г. монгольские послы провели серию встреч с дьяками Посольской палаты и представителями московской аристократии, а также были приняты царем Михаилом Федоровичем. Во время одной из подобных встреч, дары хотогойтской знати (в том числе шлем) были переданы в казну российского самодержца. Запись в приходно-расходной книге Казенного приказа 146 (1637/1638) года о поступлении наголовья[2] в сокровищницу датируется 28 октября 146 [1637] г. В ней же содержится и первое подробное описание шлема: «Тунгузские земли Лаба Даинмен Гир-Ланзу Государю челом бьет дани куяк железный да наручи железные мугальские, да *шапочка железная гладкая, по ней вчетырех местех путики медные*[3]*, снаушками, и затылок доски железные подложены ирхою покрыты камкою калмыцкою, споталью, у шапки наверху трубочка, цена шапке три рубли*» (Опись…, 1884: 39).

Второе известное нам описание шлема содержится в тексте статейного списка посольства С. Неверова к бывшему владельцу шлема — ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо.[4] При встрече с ним 17 ноября 1638 г. С. Неверов, перечисляя подарки, отправленные буддийским священнослужителем московскому царю в 1637 г., помимо прочего отметил: «Да ты ж, лаба Даин Мерген-ланзу, прислал к великому государю с послы своими с Ламиеком с товарыщи с себя дани — куяк, наручи мугальские, *шяпку железную, навожену золотом и серебром*, 3 бобра, ирбиз, 200 соболей, шубу хвостовую соболью под камкою черчетою, 2 камки цветные» (РМО, 1974: 138).

Значительно более подробно шлем был охарактеризован в тексте описи Казенного двора 1640 г., в которой наголовье значилось под № 2: «Шелом, напереди мишень врезана золотом, напереди ж на низу резаны травы золотом и серебром, на нем же четыре дуги позолочены, зад и стороны прикрыты доски отласом по червчатой земле с поталею, подложено камочкою индейскою рудожелтою. Цена три рубля. Прислал к государю дани Тунгужские земли лаба Даин Менгер Лансу во 146 (1637/1638) году» (Опись…, 2014: 105; Савваитов 1865: 61–62; Опись…, 1884: 19, № 4407).

В том же документе была дана и характеристика корпусного панциря, присланного вместе со шлемом. Согласно данному описанию, доспех относился к категории пластинчато-нашивных и был покрыт «плохой» цветной атласной тканью. Корпусный панцирь был дополнен наплечниками или нарукавниками, усилен подвижными наплечными железными пластинками[5] и пятью зерцалами (?), которые крепились к доспеху с помощью пуговиц и ремешков: «Куяк с рукавы у нево ж пять щитов с пугвицы с ременными, на плечах две дощечки долгие на вертлушках, прикрыт отласом цветным плохим. Цена десять рублев. Прислал ко государю дани Тунгужские земли лоба Даин Менгер Лансу во 146 (1637/1638) году» (Опись…, 2014: 105; Савваитов 1865: 61).[6]

---

[1] Предметы защитного вооружения были подарены ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо и другим представителям высшей московской политической элиты, а также членам посольства. Так, в частности, «наручи мугальские» были отправлены в дар наследнику московского престола «царевичу и великому князю» Алексею Михайловичу. Еще одну пару наручей получил российский посол Бажен Корташев (РМО, 1974: 76, 77, 138).

[2] А также панциря и наручей из того же комплекта, шлема и корпусного доспеха, присланного Дайчин-нойоном.

[3] В данном случае автором записи в книге Казенного приказа была допущена ошибка. Накладки на шлеме были покрыты не медью, а позолотой, что подтверждается как другими письменными свидетельствами (письмо Эрдэни Дай мэргэн Нансо, статейный список С. Неверова, Опись царской казны 1640 г. и др.), так и анализом конструкции и системы оформления самого наголовья (см. ниже).

[4] Дипломатическая миссия С. Неверова продолжалась с 5 сентября 1638 г. по 26 апреля 1639 г. (РМО, 1974: 103).

[5] Подобная форма защиты плеч, представлявшая собой железные стреловидные «погончики», крепящиеся шарнирами к специальным железным фиксаторам у ворота доспеха, известна по подлинным образцам ойратских и монгольских пластинчато-нашивных панцирей XVII — первой половины XVIII вв. (Бобров, Ожередов, 2010: 20, 21; 35, рис. 1,2; 38; 43, рис. 11, *4*).

[6] Хотя Л.П. Яковлев считает, что в описи оружейной казны царя Михаила Федоровича 1642/1643 гг. (по мнению Ю.В. Арсеньева — 1646 или 1647 г.) рассматриваемое наголовье записано под № 6: «Шолом булатный надо лбом слова арапские, прислан Истунгузские земли скуяком что подцветным бархатом цена 5 рублев» (Опись…, 1884: 19, № 4407), это описание, по нашему мнению, относится, в действительности, к другому шлему, также подаренному ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо царю, но в 1635–1636 гг. Последний, по мнению Л.П. Яковлева, записан в описи 1642/1643 гг. под № 5 (Опись…, 1884: 35, № 4418). Если это не ошибка подсчета (в описи нет номеров), то не исключено, что запись № 5 относится тогда к шлему ОР–2057, однако сделать какие-либо выводы здесь затруднительно, поскольку она слишком краткая. Для справки приведем сразу несколько предыдущих записей из этой описи (возможно, запись, которую мы выделили как № 5, является не самостоятельной, а пояснением к № 2–4): «[2.] Шолом сталной граненой гладкой. || [3.] Шолом сталной круглои

К сожалению, приходные книги Оружейного приказа первой половины XVII в. не сохранились, поэтому установить точную дату поступления интересующего нас шлема в Оружейную палату не представляется возможным. По всей видимости, это произошло между 1640 и 1643 гг.[1]

В период нахождения шлема в Оружейной палате его внешний вид претерпел известные изменения. Так, в частности, наголовье лишилось богато украшенной бармицы, подробно описанной в тексте 1640 г. В тексте описи 1884 г. она уже не фиксируется (Опись..., 1884: 19). Необходимо отметить, что некоторое время шлем хранился вне пределов Оружейной палаты (см. выше). Однако данный вопрос требует дополнительного изучения.

Определенные изменения в конструкцию и систему оформления шлема ОР–2057 были внесены в ходе реставрационных работ в XIX–XX вв. Так, в частности, была заменена правая заклепка на налобнике шлема. Часть драгоценных (?) камней была извлечена из «гнезд», после чего в отверстия были помещены красные и зеленые камни, имитировавшие кораллы и малахит (Мишуков, 1954: 134). В данной связи интересно сопоставить инкрустацию на цветном изображении шлема (датировано первой половиной XIX в.) (рис. 4) с инкрустацией наголовья в его нынешнем состоянии (рис. 6–9). На момент составления описи 1884 г. из 24 *кастов* навершия инкрустация сохранялась в восьми, а 15 «гнезд» были лишены камней.[2] Все четыре «гнезда» на накладках-гребнях шлема, а также три «гнезда» на козырьке шлема к 1884 г. уже не имели инкрустации.

Подводя итог настоящего раздела, отметим, что анализ дипломатической документации по истории русско-монгольских отношений первой половины XVII в. позволяет с высокой степенью достоверности определить обстоятельства и время отправки рассматриваемого шлема в Русское государство, а также дату его поступления в царскую казну. Так, в частности, можно считать установленным, что шлем был передан в качестве дипломатического подарка царю Михаилу Федоровичу влиятельным хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. Более чем через восемь месяцев, 28 октября 1637 г. он поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, а впоследствии был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

3.3. Описание конструкции и системы оформления шлема

По материалу изготовления рассматриваемый шлем относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепанных, по форме купола — к типу ступенчатых. Общая высота наголовья: 29,3–29,5 см, диаметр — 21,5 см (лобно-затылочный) и 19,8 см (височный) соответственно. Вес — 1,57 кг (рис. 1; 6–9).

Тулья шлема (высота: 14,7–15,0) склепана из двух железных пластин-секторов трапециевидной формы, соединенных на налобной и затылочной части наголовья соответственно. Два ярко выраженных горизонтальных ребра жесткости делят тулью на три яруса, которые придают шлему характерный «ступенчатый» силуэт (рис. 1; 6–9). Высота верхнего яруса — 5,2 см, среднего — 6,4 см, нижнего — 5,5 см.[3] Все три яруса тульи покрыты надписями на санскрите (кит. *фаньвэнь* 梵文). Каждый знак вырезан из листового золота. Чтобы обеспечить максимально надежное соединение металлических элементов, мастер с помощью тонкого резца наносил на железную поверхность мелкую частую насечку, после чего накладывал на нее заранее вырезанную золотую пластинку. «После набивки золотом части шлема нагревались до красного каления, и мастер проходил узор по горячему железу туповатым зубильцем, украшая его рассечкой деталей и плотнее закрепляя этими углублениями положенное по насеченной поверхности золото» (Мишуков, 1954: 134).

На верхний ярус тульи нанесены 16 знаков, на центральный — 8, на нижний — 24. Высота знаков на нижнем ярусе около 3 см, на центральном и верхнем — 2,5–3,0 см.

На центральном ярусе знаки вплетены в характерный орнамент в форме так называемого «золотого ожерелья с подвесками» (кит. *цзинь инло* 金瓔珞) (рис. 1; 6–9). На данном наголовье он представляет собой серию замысловатых ажурных украшений в виде восьми горизонтально расположенных и чередующихся между собой «розеток» и ликов мифического существа *киртимукхи*[4] (всего изображены четыре лика и четыре розетки, при этом два лика разделены

гладкои. || [4.] Шолом сталнои гладкой кумыцкой. || [5.] Три шолома наводных. || А по осмотру на дву косые грани, а на третьем прямые наведено по травам золотом, да у одново ж наушко. По Офонасьевым книгам прислано с Казеннаго двора» (Арсеньев, 1902: 41; знаком || здесь и далее показано разбиение текста на абзацы в источнике).

[1] Для оружия и доспехов, поступавших в качестве дипломатических даров, «дани» или подношений иностранных купцов, Казенный двор играл роль промежуточного хранилища. Из Посольского приказа или других учреждений предметы передавались на Казенный двор, где вещи оценивались и снабжались ярлыками с указанием, кто именно и когда «челом ударил». Образцы защитного и наступательного вооружения могли накапливаться на Казенном дворе в течение нескольких лет, после чего пересылались «по принадлежности» в Оружейную палату.

[2] В настоящее время, камни помещены в 19 «гнезд» навершия, а пять *кастов* не имеют инкрустации.

[3] Размеры ярусов даны по их плоскостям.

[4] *Киртимукха* (санскр. *kīrtimukha* «лик славы», «лик величия») — мифическое существо, изображаемое обычно в виде демонического лица с рогами со спускающимися из его пасти гирляндами из различных драгоценностей

накладками на две равные части, начинающих и заканчивающих серию на каждой из сторон шлема). Попутно заметим, что на большинстве других маньчжурских шлемов (датируемых более поздним историческим периодом) представлены только восемь ликов без их чередования с «розетками». Из пасти *киртимукх* и с «розеток» свисают пять гирлянд (подвесок) из ниток жемчуга. На концах 2-й, 3-й и 4-й нитки помещены изображения различных драгоценностей (тиб. *nor bu*)[1]. Первая нитка каждой «единицы» в серии соединяется с последней предыдущей «единицы», последняя — с первой последующей посредством драгоценной жемчужины, а именно *чинтамани* (драгоценности, исполняющей желания, изображенной здесь без пламенного ореола)[2], лежащей на пятилепестковом цветке лотоса (заметим, что этот элемент несколько отличен на различных маньчжурских шлемах). Эта жемчужина изображена под каждым из восьми санскритских знаков на центральном ярусе тульи шлема (рис.6-9). Ниже каждой жемчужины изображен либо один из двух предметов-символов (под слогами *ā* и *hrī*), либо чередующийся с ними облачный узор (под слогами *paṃ* и *taṃ*). К сожалению, однозначно идентифицировать этот узор и предметы несколько затруднительно — в орнаменте *цзинь инло* на известных нам маньчжурских шлемах их нет, а на шлеме OP–2057 они изображены недостаточно четко. Узор (под слогами *paṃ* и *taṃ*) выглядит как облачный типа *сыхэ жуи юнь* (四合如意雲, букв. «облака [в форме] жезла исполнения желаний *жуи*, собирающиеся с четырех сторон»)[3]. Первый предмет-символ (под слогами *hrī*) выглядит как оплетенное лентами сдвоенное круглое украшение *юаньшэн* (圓勝) — одна из восьми драгоценностей *ба бао* (八寶) — китайский благопожелательный образ, пришедший также в тибетскую буддийскую иконографию для изображения круглых перекрещенных сережек царя (тиб. *rgyal po'i rna cha*) — одного из семи драгоценных знаков отличия «вселенского идеального монарха» *чакравартина*[4]. Второй предмет-символ (под слогами *ā*) выглядит как оплетенная лентами раковина (кит. *ло*螺) или, возможно, благопожелательный жезл *жуи* (如意) с головкой в форме гриба бессмертия *линчжи* (苓芝, 靈芝), изображающий в тибетской иконографии заключенную в оправу в виде трилистника «драгоценность с тремя глазами» (тиб. *nor bu mig gsum pa*), символизирующую *триратну*[5]. Как и круглые серьги царя, последняя представляет собой один из семи драгоценных знаков отличия *чакравартина*[6]. Мы полагаем, что эти символы нуждаются в более надежной идентификации, однако если предложенная интерпретации верны, то данные изображения на шлеме лишний раз указывают на высокий статус его владельца (рис. 1; 6–9).

Несмотря на то, что мы не смогли выявить источников цинского времени или специальных работ, посвященных описанию и раскрытию символики орнамента *цзинь инло* на маньчжурских шлемах, мы всё же полагаем, что он тем или иным образом (не обязательно напрямую) восходит к тибетским ритуальным ваджра-колокольчиками (тиб. *dril bu*, *rdo rje dril bu*), сама форма которых (ср. купол шлема и купол колокола) и орнамент (как то: восемь ликов *киртимукх*, расположенных по кругу; свисающие из их пасти гирлянды; наличие биджа-мантр восьми бодхисаттв и их супруг, хотя и несколько отличающихся, но легко связываемых с биджа-мантрами шлема), слишком близки, чтобы быть простым совпадением.[7] Если наше предположение верно, тогда известная богатая символика этих колокольчиков может послужить ключом к пониманию изначальной сути появления этого орнамента на маньчжурских шлемах и трактовки его элементов. Это, однако, ни в коей мере не означает, что в цинское время, когда данный узор продолжали наносить на наголовья, указанная глубокая символика была понятна, а не была, например, забыта, то есть восприниматься уже как простой орнамент «золотого ожерелья с подвесками» *цзинь инло*, что и нашло свое отражение в «Хуанчао лици туши» (об этом своде мы скажем ниже), где этот узор именован именно так. Полагаем, что этот вопрос нуждается в более глубоком и отдельном исследовании.

(подробнее см.: Beer, 2003: 78–79). В Тибете *киртимукха* известен под именами *tsi pa ṭa*, *dzig mgo pa tra*, *rtsi par*, *rdzi 'go pa thra* и *ci mi 'dra* (Clarke, 2011: 176; ill. 96–97).

[1] См. о них: Beer, 2003: 190–192.

[2] Идентифицируется нами по форме, представленной на изображении этого узора в тибетском источнике: Gega Lama, 1983: 224 (*nor phreng dang 'phur shams*). Добавим, что в рамках китайской изобразительной традиции, в том числе буддийской, жемчужина *чжу* (珠) той или иной формы и размера воспроизводится достаточно часто. Идентификация ее типа не так проста, как может показаться на первый взгляд, и зависит от мотива, сюжета или контекста, в котором она появляется (см.: Зайцев, Сизова, 2015: 105–107, особенно примеч. 38, 47, 52). Об изображении *чинтамани* в тибетской иконографии см. также: Beer, 2003: 192–193.

[3] См.: Тянь Цзыбин и др., 2003: 336; 335, рис. 11–3.

[4] О *чакравартине* см.: Beer, 2003: 36–37. О семи драгоценных знаках отличия *чакравартина* см.: Beer, 2003: 46–48; изображения: Gega Lama, 1983: 234 (*nor bu cha bdun*).

[5] *Триратна* (санскр. *triratna*, кит. *саньбао* 三寶) — три драгоценности или прибежища буддийского учения: Будда, Дхарма и Сангха. Имеет множество форм символьного представления в китайской и тибетской иконографии. См.: Beer, 2003: 49–50.

[6] Beer, 2003: 46–48.

[7] О тибетских ритуальных ваджра-колокольчиках и их символике см.: Gega Lama, 1983: 155–156, 161; Helffer, 1989: 34–42; Beer, 2003: 92–95.

Всего на шлем нанесены 48 знаков-графем. Надписи выполнены письмом ланьча (ранджана)[1] и читаются слева направо. Как было сказано выше, первые их прорисовки и исследование выполнил А.Н. Оленин, верно идентифицировавший язык надписей — санскрит и абсолютно верно указавший, что верхняя из них представляет собой мантру *oṃ maṇi padme hūṃ*, которую он, однако, неточно прочел как «ом мани падме аум» (оставшиеся две графемы в надписи верхнего яруса, передающие совместно слог *hrīḥ*, были ошибочно интерпретированы как «утвердительный слог» «хра» и «знак препинания»[2], в силу чего не включены в состав мантры). Надписи на центральном и нижнем ярусе были оставлены Олениным без комментария. Последующие исследователи и публикаторы шлема следовали этой схеме, приводя без каких-либо деталей (например, на каком ярусе нужно искать эту мантру) данные только о мантре «ом мани падме хум», очевидно, автоматически меняя слог «аум» на более известный и привычный «хум», и обходя вниманием остальные надписи[3]. В настоящей работе вы впервые даем полную дешифровку всех надписей, нанесенных на шлем ОР–2057 (ее результаты представлены на схеме, см. рис. 10)[4].

Рис. 10. Схема расположения и дешифровка надписей на шлеме ОР–2057.
Выполнены В.П. Зайцевым.

Верхний (первый) ярус. Выписаны 16 графем, дважды передающих мантру *oṃ maṇi padme hūṃ hrīḥ*. Последняя представляет собой шестисложную мантру бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары с заключительной биджа-мантрой (семенным слогом) *hrīḥ*, что и является ее полной, хотя и менее известной, формой.

У графем верхнего яруса, которые мы читаем как *dme* (1.1 и 1.9)[5], верхний левый угол заходит под верхний правый фестон накладки (жестко соединяющий посредством вбитой в него заклепки накладку-гребень с тульей шлема) и не поддается обследованию (рис. 1; 6). Поскольку именно в этом месте должен располагаться небольшой штрихообразный диакритический знак огласовки *e*, то сделать выводы о его наличии или отсутствии не представляется возможным. В случае его отсутствия графема будет читаться как *dma*, а всё слово как *padma* (санскр. «лотос»)[6]. Хотя подобные написания этой

[1] Письмо ранджана (*rañjanā*), известное в Тибете под именем ланьча, ланца, ландза и др. (тиб. *lany+tsha*, *lany+dza*, *lan tsha*, *lan dza* и др.), используется для записи санскритских, тибетских и неварских текстов на территории от Непала до Тибета (памятники письменности известны примерно с XI в.). Употребляется также для орнаментально-декоративных целей.

[2] Оленин, 1824аб (раздел без пагинации «Объяснение гравированных досок к Письму о молитве ламаитов»): [3].

[3] См., например: Klaproth, 1824; Timkovski, 1827b, T. 2: 28; Treasures of the Moscow Kremlin, 1998: 50, № 31; 165–166, № 31; Государева Оружейная палата, 2002: 304, № 5; Бобров, Худяков, 2003: 158.

[4] Для нашей схемы (рис. 10) мы использовали прорисовки графем А.Н. Оленина, несколько скорректировав их: для большей выраженности диакритического знака огласовки *ī* была изменена графика слога *hrī* в верхнем и центральном ярусе (что соответствует реальной надписи), а также был исправлен перепутанный порядок следования графем *dme* и *hrī* в верхнем ярусе (последнее можно наблюдать сейчас, например, на рис. 4; ср. с прорисовкой на рис. 2, где порядок показан верно).

[5] Первая цифра указывает на номер яруса, вторая — на номер графемы в ярусе, согласно нумерации на схеме надписи (рис. 10).

[6] См., например, прочтение у Ю. Клапрота, которое он приводит для этого шлема: *Om man'i padma houm* (Timkovski, 1827a: 353–354; Timkovski, 1827b: 28).

мантры встречаются на практике (в различных памятниках письменности), мы следуем правильному варианту *padme*, представленному, в том числе и в надписях на других маньчжурских шлемах.

У графем верхнего яруса, которые мы читаем как *hrī* (1.3 и 1.11), диакритический знак огласовки *ī* выписан слишком уплощенно, приближаясь по своей форме к знаку огласовки *ā* (графема с ним читалась бы как *hrā*). При изучении шлема *de visu* можно придти к заключению, что необходимый подъем (отличающий *ī* от *ā*) мастер изобразить все-таки пытался, возможно, следуя образцу уже утратившему, например, в силу многократного копирования, необходимые для различения графем детали, что и обусловило такой их вид (ср. с графемами *hrī* 2.3 и 2.7, где знак огласовки *ī* более выражен).

Центральный (второй) ярус. Выписаны 8 графем, дважды передающих четыре биджа-мантры *ā paṃ hrī taṃ*. Эти биджа-мантры связаны с одной из центральных концепций буддизма ваджраяны, представляющей собой понятие о так называемых пяти семействах или пяти семьях будд (тиб. *rigs lnga*), которые возглавляют будды (тиб. *rgyal ba rigs lnga*, букв. «Победители пяти семейств») — Акшобхья, Вайрочана, Ратнасамбхава, Амитабха и Амогхасиддхи. Их духовные супруги или *праджни* известны как пять матерей (тиб. *yum lnga*). Это — Лочана, Мамаки, Пандаравасини, Зелёная Тара и Ваджрадхатвишвари. Каждому из пяти будд и их супруг принадлежит свое направление (сторона света) на иконографической мандале, а также цвет, биджа-мантра и т.д.[1] Последние и представлены на центральном ярусе шлема, а именно следующие четыре из них: *ā* — биджа-мантра Будды Амогхасиддхи (север); *paṃ* — биджа-мантра Пандаравасини (северо-запад); *hrī* — биджа-мантра Будды Амитабхи (запад); *taṃ* — биджа-мантра Мамаки (юго-запад). Таким образом, на центральном ярусе шлема представлены биджа-мантры будд и их духовных супруг, соответствующие «сектору» направлений (сторон света на мандале) с севера до юго-запада (если двигаться против часовой стрелки)[2]. Был ли этот выбор обусловлен чем-либо и значим, сказать затруднительно, хотя любопытно в этой связи отметить, что на шлемах раннего цинского времени состав этих биджа-мантр, а следовательно, «сектор» направлений несколько меняется.

Если предложенная нами выше связь между декорированием маньчжурских шлемов орнаментом *цзинь инло* и символикой тибетских ритуальных ваджра-колокольчиков имеет место быть, тогда биджа-мантры центрального яруса являются неотлемой частью этого орнамента, то есть узор и мантры взаимно обусловливают друг друга, а следовательно были нанесены на первый из подобных шлемов совместно. Конечно, и узор, и биджа-мантры были переосмыслены и изменены, но эта связь вполне видна. Интересно, что на более поздних маньчжурских шлемах эта взаимная обусловленность нарушается: биджа-мантры *этой типологии* могли находиться на верхнем ярусе, а в орнамент *цзинь инло* вплетаться другие, а впоследствии (видимо, при Цяньлуне в 1756 г.) вообще были заменены и исчезают как минимум с императорских шлемов. Последний факт косвенно свидетельствует и в пользу нашего тезиса о том, что изначальный смысл орнамента мог быть забыт, а связь с его источником окончательно разорвана.

Нижний (третий) ярус. Выписаны 24 графемы, восемь раз передающих мантру *oṃ ā hūṃ*. Последняя представляет собой трехсложную мантру, состоящую из трех биджа-мантр *oṃ*, *ā* и *hūṃ*, символизирующих, согласно одной из интерпретаций (отнюдь не единственной)[3], тело, речь и разум (ум) Будды соответственно (Douglas, 1978: 34, 36, 196). Мантра известна также в форме *oṃ āḥ hūṃ*.

Над графемами нижнего яруса, которые мы читаем как *ā* (3.2, 3.4, 3.6 и т.д.), изображены три шарика, сгруппированных в форме символа *триратны*. Мы полагаем, что этот элемент служит лишь для заполнения пустого пространства сверху графемы, то есть графического невыделения графем *ā* среди расположенных слева и справа от них графем *oṃ* и *hūṃ* соответственно, над которыми, в свою очередь, выписан необходимый там диакритический знак *чандрабинду* (в форме дуги с каплевидной точкой-шариком над ней)[4]. Если все-таки интерпретировать этот элемент как необычную форму *чандрабинду* (что кажется нам маловероятным, поскольку в этом случае логичнее было бы использовать ту же форму), то графема будет читаться как *āṃ*, а вся мантра — *oṃ āṃ hūṃ*. Поскольку реальных примеров, подтверждающих бытование этой мантры в таком написании нам неизвестно, мы следуем вполне ожидаемому здесь *ā*, представленному и в других памятниках письменности, в том числе в надписях на маньчжурских шлемах.

Некоторые графемы или их отдельные элементы в результате потери золотого покрытия в настоящий момент утрачены (представлены лишь контурами) (например, 3.6 и 3.7).

---

[1] На мандале пять будд занимают центральную точку (центр) и четыре главных направления (восток, юг, запад и север), а четверо из пяти матерей изображаются на располагающихся в четырех промежуточных направлениях (юго-восток, юго-запад, север-запад, северо-восток) лепестках лотоса центрального возвышения мандалы. Пятая мать обычно находится в центре мандалы. Подробнее об этом см.: Beer, 2003: 234–236.

[2] Если перечислять все биджа-мантры, двигаясь в таком направлении (из центра на северо-восток, затем против часовой стрелки до востока), то их порядок будет таким: *oṃ taṃ ā paṃ hrī maṃ traṃ laṃ hūṃ*.

[3] См., например: Wayman, 1973: 177–183.

[4] Поскольку в текстах, представленных на шлеме, фиксируется употребление только диакритического знака *чандрабинду*, как то: *oṃ* (1.5 и 1.13; 3.1, 3.4 и т.д.), *hūṃ* (1.2 и 1.10; 1.3, 1.6 и т.д.), *paṃ* (2.2 и 2.6) и *taṃ* (2.4 и 2.8), мы следуем упрощенной транслитерационной схеме и передаем его как *ṃ*, а не *ṁ*.

Таким образом, как было показано, все надписи, нанесенные на шлем представляют собой те или иные буддийские мантры, выполняющие дополнительную (в данном случае магическую) роль в защите своего обладателя. Все они, в отличие, например, от мантры Львиноголовой или Львиноликой дакини (Симхамукхи), которую мы находим на монгольском шлеме ОР–2058 из собрания ММК, достаточно популярны и часто используются для изобразительных целей в регионах распространения буддийской культуры. Заметим также, что мантры верхнего и нижнего яруса представлены в тех или иных формах исполнения и на других маньчжурских шлемах, однако наголовье ОР–2057 из собрания ММК является единственным известным нам образцом, на который нанесены биджа-мантры центрального яруса. При этом типологически последние всё же близки мантрам, представленным на таких шлемах, как так называемый «китайско-тибетский» из собрания Метрополитен-музея (Нью-Йорк) (инв. № 36.25.184) (LaRocca, 1996: 41, № 20; 42, fig. 5) и императора Канси (1654–1722) (инв. № СК-171130) из собрания Музея императорского дворца (Пекин) (Запретный город, 2007: 66–67)[1].

Стыки пластин тульи шлема прикрыты двумя парами специальных накладок, симметрично расположенных на внешней и внутренней стороне купола наголовья соответственно (рис. 1; 6–9; 11).

Рис. 6. Шлем ОР–2057. Вид спереди. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Накладки с внешней стороны тульи представляют собой невысокие и рельефные гребни (кит. *лян* 梁), изготовленные из железа согласно Ф.Я. Мишукову в технике литья (по способу потери восковой модели)[2] и покрытые сусальным золотом (рис. 1; 6–9). Край позолоченных накладок оформлен четырьмя парами фестонов, выполненных в виде трехлепестковых бутонов. В каждый фестон вбита заклепка, соединяющая гребень с тульей шлема. Минимальная ширина накладок: 1,4–1,6 см, максимальная ширина накладок (по фестонам) — 3,3 см, высота гребня: 1,4–1,7 см, толщина: 0,3–0,4 см. Позолоченные накладки были дополнительно украшены чеканкой, гравировкой и инкрустацией. Ажурный прорезной узор на гребнях складывается в фигуры «золотых возносящихся драконов» (кит. *цзинь шэнлун* 金升龍), обращенных головами к навершию шлема (рис. 7; 8). Уплощенные части накладки по бокам гребня («тяги») покрыты горизонтальными зубчиками, а трехлепестковые фестоны украшены гравированным растительным орнаментом (рис. 6; 9). Интересно, что для оформления гребня и боковых сторон накладки использовались золотые листы,

[1] По данным В.П. Зайцева, представленным впервые в докладе «Санскритские мантры и дхарани на маньчжурских шлемах эпохи Цин» на Третьих Петербургских тибетологических чтениях (Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН, 13–14 октября 2014 г.). Материал готовится к печати.

[2] В рамках подобной технологии восковая модель заливалась в формовочную массу, после чего форма сушилась и обжигалась, в результате чего восковая модель вытапливалась, а в образовавшуюся пустоту заливался расплавленный металл. Получившаяся металлическая отливка в точности повторяла восковую модель (Мишуков, 1954: 134, 562).

имевшие разный цветовой оттенок. Согласно исследованиям Ф.Я. Мишукова, предварительно насеченная поверхность гребня покрывалась «плотным листом червонного золота»[1], в то время, как поверх горизонтальных плоскостей фиксаторов размещались пластины «зеленого золота» (Мишуков, 1954: 134). Подобное сочетание «красиво оттеняло конструктивные границы частей [шлема]» (Мишуков, 1954: 134). Примерно по центру каждой из двух плоскостей налобного и затылочного гребня проделана пара симметрично расположенных округлых отверстий («гнезд») для драгоценных или полудрагоценных камней (не сохранились) (рис. 7; 8).

Рис. 7. Шлем ОР–2057. Вид справа. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Рис. 8. Шлем ОР–2057. Вид слева. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

[1] Высокопробный вид золота, отличающийся небольшим количеством примеси меди, который придавал металлу красноватый оттенок.

Рис. 9. Шлем ОР–2057. Вид сзади. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Богато оформленные рельефные гребни-накладки не только украшали и скрепляли купол наголовья, но и выполняли роль ребер жесткости, прикрывавших стыки пластин тульи шлема. Этому весьма способствовал тот факт, что под тонким слоем сусального золота скрывалась массивная основа накладки, выполненная из железа. Анализ конструкции данных деталей и системы их крепления показал, что монтаж гребней-накладок на купол наголовья начинался только по завершению работ над оформлением их декоративных элементов (Мишуков, 1954: 134).

Пара дублирующих накладок, прикрывающих стыки пластин тульи с внутренней стороны наголовья, представляют собой длинные железные полосы удлиненно-прямоугольной формы (ширина: 1,4–1,9 см). Многочисленные заклепки соединяют данные полосы с внешними позолоченными гребнями и пластинами тульи, обеспечивая всей конструкции необходимую жесткость (рис. 11).

Рис. 11. Шлем ОР–2057. Вид снизу. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Лицевая часть шлема снабжена налобником прямоугольной формы (кит. *хуэ* 護額) с парой надбровных вырезов (длина — 27,0 см; высота: 5,3–6,0 см) (рис. 12). Нижний край налобной пластины (согласно чжурчжэньской оружейной традиции) располагается значительно ниже кромки тульи шлема (Бобров, Пастухов, Белоусова, 2015: 96, 97). К последней он крепился с помощью двух заклепок с массивными позолоченными шляпками полусферической формы (диаметр — 0,9 см).[1] Соединительные заклепки вбиты в верхние углы налобной пластины. На поверхность налобника нанесены изображения сближающихся золотых пятипалых драконов (кит. *цзинь лун* 金龍)[2] и пламенеющей жемчужины (кит. *хочжу* 火珠) между ними (рис. 12). Фон основного рисунка дополнительно украшен облачным узором (кит. *юнь*). По краю пластины пропущен широкий золоченый кант. Изображения драконов, жемчужины и облаков выполнены в той же технике, что и надписи на тулье шлема (см. выше).

Рис. 12. Налобник и козырек шлема ОР–2057. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

К верхней части налобника приклепан заостренный «коробчатый» козырек (кит. *уцин* 舞擎), состоящий из горизонтальной «полки», узкого вертикального «щитка» и вертикальной крепежной пластины-фиксатора (рис. 1; 12). Как и описанные выше гребни, козырек шлема изготовлен из железа, позолочен, а затем обработан чеканщиком. Горизонтальная «полка» козырька (длина — 15,5 см, ширина — 2,8 см) покрыта сусальным золотом, украшена глубоким прорезным цветочно-травяным узором с двумя драконами и снабжена тремя «гнездами» для драгоценных или полудрагоценных камней (инкрустация не сохранилась). Каждое «гнездо» выполнено в виде распустившегося цветка со множеством каплевидных лепестков (рис. 1; 6). Узкий вертикальный «щиток» козырька (ширина — 0,3 см) выгнут непосредственно из «полки», целиком покрыт листом «зеленого» золота и украшен продольными гравированными линиями (рис. 12).

Козырек крепится к тулье с помощью трех заклепок, вбитых в поверхность трехлепестковых фестонов крепежной пластины на внешней стороне купола шлема. Поверхность самой крепежной пластины козырька (высота — 1,6 см) покрыта позолотой и украшена рельефным узором в виде цепи сердцеобразных фигур, выполненных в технике чеканки и гравировки (рис. 12).

Венчает шлем навершие (общая высота — 14,0 см), состоящее из подвершия (пластины-основания) типа «шар в чаше» и трубки-втулки для плюмажа (рис. 1; 6–9; 13). Вся конструкция крепится к железным пластинам тульи с помощью четырех заклепок с позолоченными шляпками, вбитых вдоль нижнего края подвершия шлема (рис. 7; 8).

[1] До настоящего времени дошла лишь заклепка на левой стороне налобника, правая заклепка была добавлена в рамках работ по реставрации шлема.

[2] Дракон с пятью когтями (пятипалый) *лун* (龍) является одним из символов императора и императорской власти в Китае, поэтому его также называют императорским. Появление такого дракона на шлеме является важным признаком, указывающим на принадлежность к высшей элите империи, то есть на высокий ранг его обладателя (см. ниже). Данный факт был отмечен уже первым исследователем наголовья — А.Н. Олениным (Оленин, 1824аб: 8–9), а также подчеркнут Ю. Клапротом (Timkovski, 1827b: 28).

Железное подвершие (высота — 5,5 см) покрыто сусальным золотом и инкрустировано кораллами и малахитом.[1] Как и козырек, подвершие украшено сложным рельефным прорезным узором, который после отливки был дополнительно обработан чеканщиком (рис. 13).

Рис. 13. Навершие (подвершие и трубка-втулка) шлема ОР–2057 (вид спереди).
Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Конструктивно подвершие состоит из золотой полусферы, расположенной на подставке (визуально это напоминает шар, помещенный в плоскую чашу, отсюда наш термин «шар в чаше»). Последняя представляет собой невысокий, расширяющийся к верху венец с выпуклым бортиком по краю (высота — 2,0 см; диаметр: 7,6–8,0 см). Поверхность подставки украшена глубоким растительным орнаментом и 12-ю «гнездами», сгруппированными по три. В каждой тройке кастов в центре располагается «гнездо» круглой формы, которое по бокам обрамляют каплевидные отверстия. В округлые центральные углубления (диаметр — 0,8 см) помещены кусочки коралла, а в каплевидные (0,5 на 0,7 см) — малахита. Все касты снабжены выпуклым рельефным бортиком (рис. 13).

Полусфера (высота — 3,5 см; диаметр — 6,8 см) украшена глубоким цветочно-травяным прорезным узором с драконами, а также 12-ю «гнездами», сгруппированными по три. Однако, в отличие от подставки, «гнезда» на полусфере расположены в форме равнобедренного треугольника так, что инкрустированный кораллом каплевидный каст (0,7 на 0,9 см) размещен вверху (острием к трубке-втулке шлема), а два округлых каста (диаметр — 0,8 см) с малахитом подпирают его снизу (рис. 13). Мы полагаем, что расположенные таким образом трехкастные группы изображают здесь *триратну*, что соответствует одной из традиционных форм ее символьного представления.

В отверстие на подвершии вставлена позолоченная трубка-втулка для плюмажа (общая длина — 8,4 см, диаметр раструба — 1,44 см, диаметр в средней части — 1,1 см). Нижняя часть втулки украшена серией рельефных лепестков, парой выпуклых ободков и цепью сердцеобразных фигур, обращенных острием вверх. Центральная часть втулки имеет трубчатую форму, причем цилиндрические элементы перемежаются слабовыраженными парными валиками. Наконец, верхняя часть втулки украшена цепью соединенных сердец (остриями вниз) и парой ярко выраженных выпуклых ободков. Раструб трубки окружен заостренными лепестками-фестонами, благодаря которым расширяющаяся к верху втулка напоминает распускающийся цветочный бутон (рис. 13).

Вдоль нижнего края шлема пробиты шесть сквозных отверстий (по три отверстия на каждой пластине тульи), в которые вставлены специальные болты с позолоченными полусферическими

[1] По версии Ф.Я. Мишукова, шлем инкрустирован «вставками искусственных камней, выполненных в подражание кораллу и малахиту» (Мишуков, 1954: 134). Согласно данным сотрудников ММК, от изначальной инкрустации шлема сохранились лишь несколько кораллов, в то время, как остальные красные и зеленые камни представляют собой позднейшие реставрационные вставки.

шляпками (диаметр: 0,6–0,9 см), выступающие над поверхностью тульи на 2,5–3,0 см (рис. 1; 6–9; 11). Данные болты служили для подвешивания бармицы, защищавшей шею, щеки и уши воина.

Согласно описям царской казны Казенного двора 1637 и 1640 гг., шлем в это время был снабжен трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, состоявшей из пары наушников («сторон») и назатыльника («зад»). Внешняя покрышка бармицы была изготовлена из красной («червчатой») ткани, расшитой узорами.[1] Подкладка бармицы была выполнена из «ирхи»[2] или из «камочки индейской рудожелтой», то есть цветной ткани желтого или оранжевого цвета. Не исключено, что органическая основа бармицы имела характерную для Центральной и континентальной Восточной Азии трехслойную структуру: внешнее покрытие из шелковой узорчатой ткани (в данном случае красного цвета), плотный внутренний слой замши («ирхи») и шелковую подкладку (в данном случае желтого или оранжевого цвета). С внутренней стороны органической основы бармицы крепились «доски», то есть железные пластины (Опись..., 1884: 39; Опись..., 2014: 105).

3.4. Атрибуция и датировка

Как уже отмечалось выше, за последние два столетия исследователями были предложены различные варианты атрибуции шлема ОР–2057 из ММК. Так, в частности, его определяли как «китайский шишак»[3], «мунгальский шишак» или «азиатский старинный шишак необыкновенной формы и отделки»[4], «монгольский шишак»[5], «un casque chinois en acier, damasquiné en or» (фр. «стальной китайский шлем с золотой насечкой»)[6], «Casque mongol en acier» (фр. «стальной монгольский шлем») и тут же, видимо, ошибочно «Casque indien trouvé en Russie» (фр. «индийский шлем, найденный в России»)[7], «Сибирскаго царя Кучюма (1581 г.) ... Шлем мунгальской или маджурской формы ... », «Casque de Koutchoum» и «Шапка Кучюмовская»[8], «Сибирскаго царя Кучюма (1581 г.). ... шлем, маджурской формы ... »[9], «шолом манджурский»[10], шолом восточный[11], «шлем... мастеров китайской провинции XVI–XVII веков...» и «шлем железный китайской (маньчжурской) работы. XVI–XVII века»[12], маньчжурский шлем начала XVII в.[13], маньчжурский (хоу-цзиньский) шлем конца XVI — первой трети XVII в.[14] В настоящее время представляется возможным уточнить атрибуцию и датировку рассматриваемого наголовья.

В первую очередь необходимо исключить версии о «монгольском» или «китайском» (минском) происхождении шлема. Действительно, интересующий нас образец защитного вооружения имеет некоторые элементы конструкции и системы декоративного оформления, присутствующие на наголовьях центральноазиатского и минского производства XV–XVII вв. (Бобров, Худяков, 2003: 158, 159). Однако совокупность данных признаков[15] встречается исключительно на шлемах, выполненных в рамках позднечжурчжэньской и маньчжурской оружейной традиции позднего Средневековья и раннего Нового времени (Лю Юнхуа, 2003: 155–194; Лю Юнхуа, 2013: 221–282; Бобров, Худяков, 2003: 157–164, 197–201; Бобров, Пастухов, Белоусова, 2015; Бобров, 2016). Сочетание указанных элементов в рамках одного наголовья является характерной чертой парадных и боевых шлемов высшей знати маньчжурских государств Хоу (Поздняя) Цзинь (1616–1636), Великая Цин в Маньчжурии (1636–1644) и Великая Цин в Китае (1644–1912).[16]

---

[1] В источниках в качестве покрышки бармицы упомянуты соответственно «камка калмыцкая, споталью» и «отлас по червчатой земле с поталею». Камка — ткань (обычно шелковая) с рисунком, образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного плетения. В широком значении — шелковая цветная ткань с узорами. Под термином «поталь», в данном контексте, могли пониматься как золотые нити, так и золотые краски, или даже позолоченные головки заклепок, с помощью которых панцирные пластины подбоя крепились к органической основе бармицы.

[2] Ирха — замша, тонкая дубленая козья или овечья кожа.

[3] В расписке А.Н. Оленина. См.: Файбисович, 2006: 274.

[4] В бумагах А.Н. Оленина. См.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 6. Л. 14–39; Д. 25. Л. 17.

[5] См.: Оленин, 1824аб: 10, 26 и далее в разделе без пагинации «Объяснение гравированных досок к Письму о молитве ламаитов»: [2], [3].

[6] Klaproth, 1824: 255.

[7] Timkovski, 1827b: 28; pl. 12.

[8] Вельтман, 1844: 79; вкл. между с. 78–79.

[9] Вельтман, 1860: 236.

[10] Опись..., 1884: 19, № 4407.

[11] Как групповое название в подписи к фототипической таблице (Рисунки..., 1884: табл. 342).

[12] Мишуков, 1954: 134; 135, подпись к рис. 11; Файбисович, 2006: 321.

[13] Treasures of the Moscow Kremlin, 1998: 50, № 31; 165–166, № 31; Государева Оружейная палата, 2002: 54, № 5; 304, № 5.

[14] Бобров, Худяков, 2003: 157–159, 197, 198.

[15] Двухпластинчатая тулья с горизонтальным ребром жесткости, узкие рельефные накладки с драконами на налобной и затылочной частях шлема, комбинированный с козырьком налобник с надбровными вырезами, подвершие типа «шар в чаше», надписи-мантры на санскрите, расположенные в три яруса на тулье шлема и сопровождающиеся узором *цзинь инло*, изображения пятипалых драконов *лун* и др.

[16] При этом монгольские и корейские дериваты, выполненные в подражание маньчжурским образцам, имеют некоторые важные отличия от своих хоу-цзиньских и цинских прототипов (Бобров, 2011: 27, 39).

Таким образом, можно считать установленным, что шлем ОР–2057 изготовлен в рамках позднечжурчжэньской (раннеманьчжурской) оружейной традиции. При этом вопрос об этнической принадлежности мастеров, выковавших и украсивших шлем, остается открытым. В первой половине XVII в. над изготовлением защитного вооружения для войск Нурхаци и Хуантайцзи трудились как этнические китайцы, так и чжурчжэни (маньчжуры), причем наибольшей похвалы современников удостоились именно последние (Бобров, Худяков, 2002: 126–127).

Согласно данным письменных источников, чжурчжэньские мастера государства Нурхаци еще в 1599 г. «…начали плавить железо, открыли рудники по добыче золота и серебра»; «По серебру, железу, коже, дереву — по всему имеются свои мастера, а мастера по железу особенно искусны» (Кычанов, 1997: 209). Сам чжурчжэньский правитель в письме к халхаским нойонам в 1620 г. сообщал о подвластных ему владениях: «…золото, серебро и железо — всё [это] производится Землей. Всё это есть» (Маньвэнь лао дан, 2013: 93). По сведениям корейских посланников, в г. Фэйала (費阿拉 от маньчж. *fe ala* букв. «старый холм»; столица Нурхаци до 1603 г.) имелись собственные оружейные мастерские, в которых работали местные ремесленники: «*…16 мастеров по изготовлению доспехов*, 50 с лишним мастеров по изготовлению стрел, 30 с лишним мастеров по изготовлению луков, 15 мастеров по плавке металлов — *все они маньчжуры*» (Кычанов, 1997: 209). Согласно сведениям, собранным минским чиновником: «В Хоу Цзинь доспех, который надевают воины, его лицевая сторона, защита плеч и рук — всё из первосортного железа, доспехи для коней точно такие же» (Кычанов, 1997: 209). Все эти данные позволяют предположить, что железные элементы купола шлема ОР–2057 могли быть выкованы чжурчжэньскими оружейниками. Что касается декоративного оформления наголовья, то профильные работы могли быть выполнены как чжурчжэньскими, так и китайскими мастерами на маньчжурской службе.Во всех предыдущих исследованиях атрибуция шлема ОР–2057 обычно ограничивалась лишь попыткой локализации места его изготовления. Однако сегодняшний уровень развития оружиеведения позволяет предпринять попытку определения социально-политического статуса лица, для которого был заказан и изготовлен рассматриваемый шлем. Решение данной научной задачи возможно на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников.

Так, в частности, важную роль в атрибуции шлема ОР–2057 играют материалы знаменитого иллюстративного свода ритуальной утвари царствующей династии «Хуанчао лици туши» (皇朝禮器圖式), составленного при императоре Цяньлуне (1711–1799)[1] (закончен в 1759 г.) и впервые отпечатанного ксилографическим способом в 1759 г. Среди прочего, этот свод содержит и подробные, сопровождающиеся изображениями, описания регламентированного защитного и наступательного вооружения, предназначенного для использования командным и рядовым составом войск Цинской империи. Несмотря на то, что работа над сводом была завершена к 1759 г., его данные содержат отсылки к более ранним установлениям маньчжурских правителей, что позволяет привлекать их для нашей работы (Бобров и др., 2015: 92, 98).[2]

Сопоставление шлема ОР–2057 с материалами «Хуанчао лици туши» дало весьма интересные результаты. Например, установлено, что привилегией ношения наголовья, снабженного надписями на санскрите (расположенных в три яруса на тулье шлема и сопровождающихся узором *цзинь инло*) и пятипалыми (императорскими) драконами *лун*[3], обладали лишь представители узкой прослойки высшей цинской аристократии. Помимо самого императора, такое право имели только «князья (принцы) крови» первой, второй, третьей и четвертой степени (то есть *цинь-ваны*, *цзюнь-ваны*, *бэйлэ* и *бэйсэ* соответственно), а также «государственные зятья» (*гурунь-и эфу*) (Хуанчао лици туши, 2004: 612–613). Однако шлемы *бэйлэ*, *бэйсэ* и *гурунь-и эфу* не имели изображений драконов на подвершии купола (Хуанчао лици туши, 2004: 613), что позволяет предположить, что шлем ОР–2057 мог быть первоначально изготовлен для одного из представителей высшей знати чжурчжэньского (маньчжурского) государства, социальный статус которого был близок или эквивалентен статусу лиц, получавших титулы *цинь-ван*[4] или *цзюнь-ван*[1] в цинское время[2] (рис. 14).

---

[1] Годы правления: 1736–1795 гг.

[2] Описания отдельных предметов вооружения в тексте «Хуанчао лици туши» сопровождаются отсылкой к «установлениям ныне правящей династии» (*бэньчао динчжи* 本朝定制) (Бобров др., 2015: 92, 98), точная датировка которых, однако, не приводится ни в «Хуанчао лици туши», ни в сводах законов Цинской империи *Да Цин хуйдянь* (大清會典) (официально издававшихся пять раз). Поскольку конструкция и система оформления этих предметов (в частности, некоторых панцирей и шлемов) известны нам по подлинным образцам, датированным XVII — первой половиной XVIII вв. (Бобров, 2016: 164), то такие установления должны были быть введены ранее периода правления Цяньлуна.

[3] Текст «Хуанчао лици туши» не указывает прямо на количество когтей, которыми обладает тот или иной дракон. Однако, по нашим наблюдениям за текстами описаний и сопровождающих их иллюстраций в разделе «панцири и наголовья» (*цзюань* 13 卷十三: *убэй и* 武備一: *цзя чжоу* 甲胄), пятипалые императорские драконы именуются в нем *лун* (龍; маньчж. *muduri* «дракон»), четырехпалые — *ман* (蟒; маньчж. *jabjan* «большая змея, покрытая чешуей»).

[4] *Цинь-ван*, полностью *хошой цинь-ван* (кит. *хэшо цинь-ван* 和碩親王; маньчж. *hošoi cin wang*; монг. *qošui čin wang*) — князь (принц) крови первой степени. Второй по значимости (после императора) титул в Цинской

Рис. 14. Шлем *цинь-вана* (*цинь-ван чжоу* 親王胄).
Рисунок из «Хуанчао лици туши» (ксилограф, 1766 г.).

империи. Титул *цинь-ван* мог носить только этнический маньчжур или монгол (Непомнин, 2005: 653). В отдельные периоды маньчжурской истории политические лидеры, имевшие титул *цинь-ван*, становились фактическими правителями Цинской империи. К их числу можно отнести, например, знаменитого *цинь-вана* (с 1636 г.) Доргоня (кит. *Доэргунь* 多爾袞; маньчж. *Dorgon*; 1612–1650), осуществившего завоевание большей части Северного и значительной части Восточного Китая и посмертно провозглашенного императором (Непомнин, 2005: 39–70; Бокщанин, Непомнин, 2002: 190–199).

[1] *Цзюнь-ван*, полностью *дорой цзюнь-ван* (кит. *доло цзюнь-ван* 多羅郡王; маньчж. *doroi giyūn wang*; монг. *törü-yin giyü'n/giyün wang*) — князь (принц) крови второй степени. Третий по значимости (после императора и *цинь-вана*) титул в Цинской империи. Титул *цзюнь-ван* мог носить только этнический маньчжур или монгол (Непомнин, 2005: 653).

[2] Система княжеских рангов (титулов) для ближней императорской родни (*цзунши фэнцзюэ* 宗室封爵) была введена Хуантайцзи в начале 4-й луны (мая) 1636 г. вслед за переименованием государства Поздняя Цзинь в Великая Цин, принятия императорского титула и установления девиза правления Чундэ (崇德). Тогда их было девять (далее мы приводим их в китайской транскрипции без маньчжурских эквивалентов): 1-й ранг: *хошо цинь-ван* 和碩親王; 2-й ранг: *доло цзюнь-ван* 多羅郡王; 3-й ранг: *доло бэйлэ* 多羅貝勒; 4-й ранг: *гушань бэйцзы* 固山貝子; 5-й ранг: *чжэньго-гун* 鎮國公; 6-й ранг: *фуго-гун* 輔國公; 7-й ранг: *чжэньго цзянцзюнь* 鎮國將軍; 8-й ранг: *фуго цзянцзюнь* 輔國將軍; 9-й ранг: *фэнго цзянцзюнь* 奉國將軍 (Янь Цзыю, 1991: 68). Свою окончательную форму ранговая система получила при Цяньлуне, когда в 1748 г. стала насчитывать 14 (или 12 — без *шицзы* 世子 и *чжанцзы* 長子) степеней с делением трех из нижайших на три подкласса (Янь Цзыю, 1991: 68; Rawski, 1998: 76). Относительно периода до 1636 г. известны лишь отдельные, разбросанные по источникам факты, свидетельствующие в пользу того, что подобной системы в то время, по всей видимости, еще не существовало. Известно, например, что в 1598 г., возможно, впервые Нурхаци пожаловал чжурчжэньский титул *бэйлэ* (ранее обозначавший вождя чжурчжэньского племени) своему старшему сыну Чуеню (кит. *Чуин* 褚英; маньчж. *Сиуен*; 1580–1615), а в 1616 г., после провозглашения государства Поздняя Цзинь и принятия титула хан, — титул *хошой бэйлэ* (кит. *хэшо бэйлэ* 和碩貝勒; маньчж. *hošoi beile*) трем сыновьям и племяннику (Rawski, 1998: 76; более подробно см.: Янь Цзыю, 1991: 67–68).

Сравнительный анализ конструкции и системы оформления шлема ОР–2057 и шлемов *цинь-ванов* и *цзюнь-ванов* по описанию «Хуанчао лици туши» можно представить в виде следующей таблицы.

Элементы конструкции и декоративного оформления	**Шлем ОР–2057 (изготовлен до 1637 г.)**	**Шлем *цинь-ванов* и *цзюнь-ванов* по описанию по «Хуанчао лици туши» (1759 г.)**
Железная тулья, украшенная золотой насечкой	Да	Да[1]
Надписи «золотом» на санскрите на поверхности тульи (количество знаков на трех ярусах тульи: верхний/средний/нижний)	Да 16/8/24	Да 8/7/20
Узор *цзинь инло* на втором ярусе тульи	Да	Да
Налобные и затылочные накладки, украшенные инкрустацией и изображениями драконов	Да	Да
Налобник с изображением золотых пятипалых драконов *лун*	Да	Да
Козырек, украшенный изображениями драконов и инкрустацией	Да	Да
Подвершие типа «шар в чаше» с изображениями драконов	Да	Да
Позолоченная трубка-втулка для плюмажа	Да	Да

Таким образом, сходство конструкции и системы оформления шлема ОР–2057 и шлемов *цинь-ванов* и *цзюнь-ванов* по описанию в «Хуанчао лици туши» представляется вполне очевидным. Имеющиеся же незначительные отличия, возможно, объясняются тем, что шлем ОР–2057 относится к начальному этапу становления позднечжурчжэньских (маньчжурских) оружейных регламентов, то есть к тому периоду, когда не все профильные нормы были окончательно утверждены. Так, например, на шлеме ОР–2057 украшающий верхнюю часть подвершия «цветок» составляет с ним единое целое. Распустившийся цветочный бутон изображен на поверхности полусферы с помощью техники литья, чеканки и гравировки (рис. 3; 4; 6). В то время, как к середине XVIII в. (согласно изображению шлема *цинь-вана* из «Хуанчао лици туши») его полагалось выполнять в виде отдельного коронообразного конструктивного элемента, который венчал полусферу (рис. 14). Что же касается количества знаков на санскрите (регламентированных «Хуанчао лици туши» и которому мы следуем по этой причине), то оно, в действительности, является количественной характеристикой объема текста — защитных мантр, выбранных для нанесения на шлем, то есть параметром, напрямую зависящим от них и вычисляемым уже после утверждения их набора и «конфигурации» (расположения на конкретном ярусе, числа повторений самих мантр и, возможно, сокращений отдельных их слогов). Поскольку мантры, которые мы находим на маньчжурских шлемах цинского времени[2] не совсем тождественны тем, что размещены на наголовье ОР–2057 (причина, по которой не совпадает и количество слогов), но типологически близки между собой[3], мы полагаем, что их набор был изменен уже в цинскую эпоху, возможно, как было сказано, при кодификации вновь или первично устанавливаемых регламентов пришедшей к власти династии, когда предметы вооружения, создававшиеся в существовавшей к тому времени оружейной традиции, были взяты за образец и стандартизированы тем или иным способом. Окончательное оформление эти регламенты получили, по-видимому, уже

[1] Также тулья могла быть изготовлена из двух пластин твердой лакированной кожи.
[2] По данным В.П. Зайцева.
[3] Данный факт дополнительно подтверждает и принадлежность наголовья ОР–2057 маньчжурской оружейной традиции (учитывая ее преемственность позднечжурчжэньской), поскольку на известных нам монгольских шлемах набор мантр отличен именно в типологическом плане. См. например: LaRocca, 2006: 80–81.

при Цяньлуне, когда отдельные положения, например, состав мантр, были снова изменены[1], а также появляются такие своды, как «Хуанчао лици туши».[2]

Бросаются в глаза отличия в оформлении бармицы шлема ОР–2057 (зафиксированной в описях XVII в.) и бармиц наголовий *цинь-ванов* и *цзюнь-ванов* из «Хуанчао лици туши» (Хуанчао лици туши, 2004: 612). Не исключено, что первоначальная пластинчато-нашивная бармица, крытая серой или синей парчей с узором типа *соцзы* (см. ниже), была заменена на свой аналог монгольского производства в период нахождения шлема у ламы Эрдэни Дай мэргэн Нансо. В противном случае можно предполагать, что изменения в систему декоративного оформления бармицы высшей маньчжурской и монгольской аристократии были внесены цинскими властями после 1637 г. Материалы письменных источников позволяют уточнить время изготовления шлема ОР–2057. Возвышение Нурхаци пришлось на вторую половину 80-х — 90-е гг. XVI в. В этот период он объявляет себя «ваном» (1589 г.), затем «ваном государства Цзяньчжоу и других местностей» (1594 г.), город Фэйала начинает именоваться «столицей», вводится особый «придворный церемониал», начинается постепенное изменение традиционной чжурчжэньской одежды и доспеха под влиянием нарождающегося «имперского» стиля (Кычанов, 1997: 213– 214; Бобров, Худяков, 2003: 126, 127; Непомнин, 2005: 32). Параллельно происходит бурное развитие оружейных (в том числе доспешных) производств. К 1599 г. в землях Нурхаци уже активно плавили и обрабатывали железо, а также добывали золото (Кычанов, 1997: 209). В конце XVI — начале XVII в. Нурхаци и его сподвижники проводят серию военных реформ, положивших начало регламентации и унификации вооружения и снаряжения чжурчжэньских войск (Бобров, Худяков, 2003: 126–129). Несмотря на то, что отношения Нурхаци с китайскими властями в начале XVII в. постепенно ухудшались, правитель государства Цзяньчжоу, занятый подчинением чжурчжэньских племен, старался оттянуть возможный военный конфликт с Минской империей (Маньвэнь лао дан, 2013: 226–230). Учитывая данный факт, представляется маловероятным, что в подобных условиях оружейники Нурхаци рискнули бы разместить на шлеме одного из чжурчжэньских аристократов пятипалых драконов — символ императорский власти. Ситуация принципиально изменилась в 1616 г., когда Нурхаци принял ханский титул и провозгласил создание нового государства Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь или Позднее Золотое) или Да Цзинь (Великая Цзинь или Великое Золотое). Этот шаг стал прямым вызовом Минской империи. Из вассала Китая Нурхаци превратился в идеологического наследника чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234) и непосредственного политического соперника Минской династии. Высокие притязания Нурхаци были подкреплены рядом символических шагов, призванных подчеркнуть амбиции чжурчжэньского правителя. Описывая последствия провозглашения Хоу Цзинь, китайские пограничные чиновники докладывали в Пекин: «Правитель Ну узурпировал титул, назвался ханом государства Хоу Цзинь, объявил девиз царствования Тянь-мин [то есть «Получивший мандат Неба». — Авт.]. Китай называет Южной династией. Надел желтые одежды. О себе говорит: „Мы, государь“» (Кычанов, 1997: 219; Непомнин, 2005: 33, 648; Маньвэнь лао дан, 2013: 240, 241). Резкое обострение политического конфликта Хоу Цзинь и Минской империи привело к серии военных конфликтов (первый произошел уже в 1618 г.), которые, в конечном счете, привели к крушению Минской династии и подчинению Китая маньчжурами. В сфере материальной культуры провозглашение Хоу Цзинь и прямое противостояние с Китаем дали мощнейший толчок в процесс развития «имперского» чжурчжэньско-маньчжурского костюма. Власти Хоу Цзинь стремились как можно скорее обзавестись всеми необходимыми визуальными атрибутами своего нового положения, в том числе и в сфере внешнего вида вельмож, чиновников и военных (Непомнин, 2005: 32; Маньвэнь лао дан, 2013: 155, 230, 240, 249).[3] В подобных условиях нанесение на шлем чжурчжэньского аристократа пятипалого императорского дракона выглядело вполне логичным жестом, призванным продемонстрировать величие и политические притязания новой дальневосточной державы. Учитывая данные факты, а также то обстоятельство, что конструкция и

[1] Например, до 1756 г. на императорский шлем должны были наноситься (снизу вверх) 8, 18, 24 знаков, а после постановления Цяньлуна 1756 г. — 12, 8, 24 знаков соответственно (Бобров и др., 2015: 94, 95), что, как было указано выше, является прямым следствием изменения набора и «конфигурации» наносимых мантр.

[2] Дополнительно отметим, что о наборе и «конфигурации» мантр на цинских наголовьях мы можем судить только по сохранившимся образцам, поскольку кроме количества знаков (по сути, вторичной характеристики) «Хуанчао лици туши» и другие подобные тексты никакой информации не дают. На основании каких критериев происходил выбор мантр, и где выбранное фиксировалось (описывалось) нам, в настоящее время, выяснить не удалось. Учитывая, что набор мантр, наносимых на маньчжурские шлемы цинской эпохи, был, в основном, постоянен и изменялся крайне редко (данный факт прослеживается и по дошедшим до нас образцам — см. выше), можно сделать вывод о существовании других регламентирующих и более конкретных документов (возможно, даже технологического плана), описывающих изготовление того или иного шлема в деталях, но на основе общих правил «Хуанчао лици туши» или соответствующих «установлений ныне правящей династии».

[3] К середине 30-х гг. XVII в. регламентация одежды у маньчжуров зашла уже настолько далеко, что в 1636 г. был создан специальный контрольный орган *дучаюань*, чиновники которого, помимо прочего, должны были выявлять «…нарушения в ношении предписанной формы одежды и головных уборов» (Маньвэнь лао дан, 2013: 249).

система оформления шлема ОР–2057 имеют весьма совершенный и законченный вид[1], нижней границей изготовления шлема следует считать 1616 г. — год провозглашения государства Хоу Цзинь. При этом верхняя граница надежно локализуется серединой 30-х гг. XVII в. Теоретически, последние изменения в конструкцию и оформление наголовья (например, замена бармицы) могли вноситься (уже монгольскими мастерами) до начала февраля 1637 г., когда шлем был передан российским посланникам.Как уже отмечалось выше, в Цинской империи шлемы подобной конструкции и системы оформления носили представители высшей маньчжурской и монгольской аристократии, имевшие титулы *цинь-ван* и *цзюнь-ван* (соответственно, второй и третий по значимости титул в империи после самого императора). Это дает основание предположить, что и до 1636 г. подобными наголовьями могли пользоваться лица из ближайшего окружения чжурчжэньского (маньчжурского) правителя. В данной связи не исключено, что первым владельцем шлема ОР–2057 мог являться член совета *хошой бэйлэ*, состоявшего из родственников Нурхаци и командиров (*гусай-эчжэнь*; маньчж. *gūsa-i ejen*) одного из «знамен»-корпусов чжурчжэньской (маньчжурской) армии.[2] Первоначально совет *бэйлэ* состоял из четырех человек — самого правителя Нурхаци, его брата Шурхаци и сыновей Чуеня и Дайшаня. В более поздний период в четверку *хошой бэйлэ* входили сыновья Нурхаци — Дайшань, Мангултай, Хуантайцзи и племянник Аминь (Маньвэнь лао дан, 2013: 242, 248). В 1614 г. число корпусов чжурчжэньской армии удвоилось, а число *бэйлэ* увеличилось с четырех до восьми. При этом четыре действующих члена совета стали именоваться великие *бэйлэ*, а четверо вновь включенных — малые *бэйлэ* (Маньвэнь лао дан, 2013: 248, 242, 249). Если наша догадка верна, то со временем, возможно, получится определить не только социально-политический статус, но и имя первого владельца шлема ОР–2057.К сожалению, доступные письменные материалы не позволяют достоверно установить обстоятельства обретения шлема ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо. Наиболее вероятно, что наголовье попало к высокопоставленному буддийскому иерарху в качестве подношения во время его поездок по различным регионам Центральной и континентальной Восточной Азии.[3]В завершение также отметим, что бытующее в литературе определение наголовья ОР–2057 как «маньчжурского» и, тем более, «цинского» шлема, представляется нам не совсем точным. Если в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. шлем уже был передан российским посланникам, тогда к ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо он поступил не позднее января — первых дней февраля 1637 г. (а, скорее всего, за несколько месяцев или лет до этого). Официально запрет на именование чжурчжэни и предписание впредь именоваться только маньчжурами были даны в ноябре 1635 г., а название Цин для государства было установлено лишь в 1636 г. (см. выше). Таким образом, весьма вероятно, что наголовье было изготовлено еще до провозглашения Цинской империи и официального переименования чжурчжэней в маньчжуров. Учитывая данные факты, представляется возможным определить рассматриваемый образец защитного вооружения как поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х — середины 30-х гг. XVII в. Также отметим, что рассматриваемый образец защитного вооружения из собрания ММК является одним из самых ранних известных на сегодняшний день наголовий позднечжурчжэньчкого (маньчжурского) производства, который может быть с высокой степенью надежности датирован и соотнесен с комплексом вооружения высшей знати государства Хоу Цзинь (1616–1636).

3.5. Реконструкция первоначального вида шлема ОР–2057

Как уже отмечалось выше, по своей конструкции и системе декоративного оформления тульи, налобника, козырька и навершия шлем ОР–2057 очень близок боевым и парадным наголовьям цинских князей крови, носивших титул *цинь-ван* или *цзюнь-ван*. Это позволяет предположить, что первоначальный вариант плюмажа, подшлемника и бармицы ОР–2057 мог так же напоминать соответствующие элементы наголовий *цинь-ванов* и *цзюнь-ванов*, относительно детально описанные в «Хуанчао лици туши» и своде законов империи Цин. Согласно данным письменных источников, во втулку шлема *цинь-вана* и *цзюнь-вана* вставлялся сложный комбинированный плюмаж (маньчж.

[1] Большинство конструктивных и оформительских приемов, фиксируемых на шлеме ОР–2057, будут с завидным постоянством воспроизводиться на наголовьях цинской аристократии вплоть до XIX в. включительно (Хуанчао лици туши, 2004: 612–615; Бобров, Пастухов, Белоусова, 2015; Бобров, 2016).

[2] В пользу нашей версии свидетельствует тот факт, что после административной реформы 1636 г. титулы *цинь-ванов* получили именно члены совета *хошой бэйлэ*, в частности, упомянутый выше Доргонь — четырнадцатый сын Нурхаци и командир корпуса «Белого знамени» (Бокщанин, Непомнин, 2002: 190, 191).

[3] По словам самого Эрдэни Дай мэргэн Нансо он «бывал … в Китайской и в Тангуцкой земли [то есть в Тибете. — Авт.] и в Черных Калмаках [то есть в Ойратии. — Авт.] и в-ыных во многих землях» (РКО, 1969: 109; РМО, 1974: 75). Практика поднесения предметов вооружения духовным лицам была широко распространена среди центральноазиатской и восточноазиатской знати рассматриваемого исторического периода (Бобров, Худяков, 2008: 48). При этом лама мог получить шлем как непосредственно от представителя чжурчжэньской аристократии, так и через посредничество монгольской знати, так как известно, что практика передачи панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей (в том числе элитных образцов) чжурчжэньского производства монгольским нойонам осуществлялась Нурхаци еще в первой четверти XVII в. (Маньвэнь лао дан, 2013: 34, 35, 138).

sonokton)[1], состоявший из длинного шпиля, увенчанного сложным ярусным навершием, к которому крепился султан из полос соболиного меха (маньчж. *sorson*). Шпилевое навершие/надвершие (маньчж. *halbaha*) представляло собой золотую пластину, вырезанную в форме языков пламени, в которую вставлялся драгоценный камень (разрешалось использовать рубин, сапфир, коралл или бирюзу, запрещалось — маньчжурский жемчуг). Отметим, что камень, охваченный пламенным ореолом, изображал, вероятно, *чинтамани* — драгоценность, исполняющую желания. Снизу пламя поддерживалось оправой в форме золотого облака. На шпиле под надвершием помещались два стоящих золотых дракона, украшенные рубином и сапфиром (рис. 14). Ниже располагался золотой «драгоценный зонт» (маньчж. *bodohon*) с фестончатым краем в виде «золотых облаков». К «зонту» по кругу крепились 18 полос соболиного меха на алой шелковой (атласной) подкладке (рис. 14).

Шлем *цинь-вана* и *цзюнь-вана* снабжался трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, состоявшей из пары наушников (маньчж. *šabtun*) и назатыльника (маньчж. *iberi*). К нижнему краю наушников крепились горизонтальные прямоугольное лопасти. В момент опасности они стягивались под подбородком и фиксировались шестью темными атласными завязками, образуя «нашейник» (маньчж. *monggon hūsikū*), обеспечивавший защиту горла воина (рис. 14). Каждый наушник бронировался шестью железными пластинами, то же количество пластин шло и на подбой лопастей прикрывавших горло, в то время, как назатыльник полагалось подбивать девятью панцирными пластинами различных форм и размеров. Пластины подбоя крепились к органической основе бармицы с помощью заклепок с позолоченными полусферическими шляпками.

Внешняя покрышка бармицы выполнялась из парчи с сетчатым узором *соцзы* (鎖子)[2] (рис. 14). Все элементы бармицы оторачивались темно-серым или черным японским шелком. В качестве подкладки использовался светло-голубой атлас (Хуанчао лици туши, 2004: 612).

В комплект со шлемом *цинь-вана* и *цзюнь-вана* входил подшлемник (маньчж. *kamtu*), представлявший собой шапку, крытую темно-синим атласом на светло-голубой шелковой подкладке. К макушке подшлемника крепилась кисть из алых нитей. В месте соединения с подшлемником нити собирались в пучок, образовывавший своеобразное навершие (маньчж. *moncon*) (Хуанчао лици туши, 2004: 612).

В момент передачи наголовья российским посланникам шлем уже лишился плюмажа и подшлемника. Вероятно, были вынуты и большинство драгоценных камней (в российских описях XVII в. они не упомянуты). По всей видимости, была заменена и пластинчато-нашивная бармица. Покрышка новой (?) бармицы была выполнена из красной шелковой узорчатой ткани, а подкладка — из оранжевого или желтого шелка (см. выше).

4. Заключение

Проведенный комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ОР–2057, а также обстоятельства его поступления в Оружейную палату Московского Кремля.

Первые упоминания интересующего нас шлема в русской служебной документации связаны с российским посольством Степана Гречанина и Бажена Карташева к правителю монголов-хотогойтов Омбо-Эрдэни-хунтайджи и его духовному наставнику ламе тибетского происхождения Эрдэни Дай мэргэн Нансо, продолжавшемуся с 28 августа 1636 г. по 23 апреля 1637 г. В ходе переговоров с российскими послами в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо преподнес рассматриваемый шлем (а также пластинчато-нашивной панцирь и наручи) в качестве дипломатического подарка (согласно русской документации, в качестве «дани») царю Михаилу Федоровичу Романову. 28 октября 1637 г. наголовье поступило на хранение в сокровищницу Казенного двора, а впоследствии было передано в Оружейную палату Московского Кремля.

---

[1] Маньчжурская оружейная терминология установлена В.П. Зайцевым путем сопоставления китайских и маньчжурских версий свода законов империи Цин (*Да Цин хуйдянь* 大清會典), составленном при императоре Цяньлуне в 1747–1764 гг. и охватывающим законотворческий период 1729–1762 гг.: *Hesei toktobuha Daicing gurun-i uheri kooli bithe* = *Циньдин Да Цин хуйдянь* 欽定大清會典 «Высочайше утвержденный Свод законов империи Великая Цин» и дополнительно *Hesei toktobuha Daicing gurun-i uheri kooli-i kooli hacin bithe* = *Циньдин Да Цин хуйдянь цзэли* 欽定大清會典則例 «Высочайше утвержденное Собрание постановлений к Своду законов империи Великая Цин».

[2] В китайских источниках упоминается также в других иероглифических написаниях с тем же чтением: 鎖子, 鎖子, 瑣子. Данный «сетчатый» узор состоит из множества ячеек, каждая из которых напоминает по форме китайский иероглиф *жэнь* 人 «человек» (этим сравнением пользуются китайские авторы). По мнению составителей «Истории китайского орнамента», такой узор имитирует форму взаимного переплетения колец китайской кольчатой брони (*соцзы цзя* 鎖子甲) (Тянь Цзыбин и др., 2003: 281; 284, рис. 9–31), а потому может быть также назван по-русски кольчатым или кольчужным. Отметим, что подобная трактовка узора для представителя европейской или российской оружиеведческой школы может показаться весьма оригинальной и неоднозначной. Визуально узор *соцзы* скорее напоминает не кольца кольчуги, а традиционный китайский доспех раннего и развитого Средневековья *шань вэнь цзя* (山文甲, букв. «доспех [с пластинками в форме] иероглифа *шань* 山 “гора”»), составленный из характерных трехлучевых пластинок.

Предложенная авторами XIX — середины XX в. атрибуция данного наголовья как монгольского или китайского (минского) шлема является ошибочной. Типологический анализ, а также изучение соответствующих письменных источников показали, что шлем изготовлен в рамках поздней чжурчжэньской (ранней маньчжурской) оружейной традиции во второй половине 10-х — середине 30-х гг. XVII в. в одной из мастерских государства Хоу Цзинь (1616–1636). При этом вероятность изготовления шлема в Цинской империи (государство Хоу Цзинь получило новое название Великая Цин в мае 1636 г.), учитывая дату его передачи российским послам (начало февраля 1637 г.), крайне мала. Таким образом, рассматриваемый образец защитного вооружения может быть атрибутирован как поздний чжурчжэньский или ранний маньчжурский (хоу-цзиньский) шлем времен Нурхаци (1559–1626) и Хуантайцзи (1592–1643).[1]

Сопоставление шлема ОР–2057 с материалами знаменитого иллюстративного свода ритуальной утвари цинской династии «Хуанчао лици туши» дало весьма интересные результаты. Так, например, установлено, что привилегией ношения наголовья с подобным декоративным оформлением во времена Цинской империи (1636–1912) обладали лишь представители узкой прослойки высшей маньчжурской и монгольской аристократии — «князья крови» первой и второй степени, то есть *цинь-ваны* и *цзюнь-ваны* (носители второго и третьего по значимости титула в Цинской империи). Это, в свою очередь, позволяет предположить, что шлем ОР–2057 мог быть первоначально изготовлен для одного из представителей высшей знати чжурчжэньского (маньчжурского) государства, социальный статус которого был близок или эквивалентен статусу лиц, получавших титулы *цинь-ван* или *цзюнь-ван* в цинский период. Не исключено, что рассматриваемый шлем мог принадлежать кому-то из восьми членов совета *бэйлэ*, то есть одному из ближайших родственников двух первых правителей маньчжурского государства — Нурхаци и Хуантайцзи. В любом случае, шлем ОР–2057 является одним из самых ранних известных на сегодняшний день наголовий позднечжурчжэньского (маньчжурского) производства, которое может быть с высокой степенью надежности датировано и соотнесено с комплексом вооружения аристократии государства Хоу Цзинь (1616–1636). Последний факт предопределяет исключительную научную ценность рассматриваемого шлема в качестве эталона при датировке и атрибуции элитных хоу-цзиньских и цинских шлемов первой половины XVII в. из музейных и частных собраний России и других стран.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Литература

Голубева, 1988 — *Голубева О.Д.* Хранители мудрости. М.: Книжная палата, 1988. 271, [1] с. (Деятели книги).

Арсеньев, 1902 — К истории древностей Оружейной палаты / Сообщил член-соревнователь Ю.В. Арсеньев // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1902 год. Книга третья. (Двести вторая). М.: Университетская типография, 1902. [Отд.] IV: Смесь. С. 38–44.

Бобров, 2011 — *Бобров Л.А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Средней, Центральной [и] континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в.: Автореферат дис. … доктора исторических наук: Специальность 07.00.06 — археология. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров, 2016 — *Бобров Л.А.* Защитное вооружение цинского императора Сюанье (1661–1722) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 7: Археология и этнография. С. 158–168.

Бобров, Ожередов, 2010 — *Бобров Л.А.*, *Ожередов Ю.И.* Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста из Центральной Азии. (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Вып. 1. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64. (Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; Т. III).

Бобров и др., 2015 — *Бобров Л.А.*, *Пастухов А.М.*, *Белоусова Н.Е.* Шлемы цинских императоров XVII — начала XIX вв. (по материалам Хуанчао лици туши) // Общество и государство в Китае: 45-я научная конференция. Т. XLV. Ч. 1. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. С. 90–101. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 17).

[1] Обстоятельства передачи шлема представителям буддийского духовенства в Монголии в настоящее время не установлены. Наиболее вероятно, что шлем был передан ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо в качестве подношения во время одной из его многочисленных поездок по различным регионам Центральной и континентальной Восточной Азии.

Бобров, Худяков, 2002 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сборник научных статей. Новосибирск: [Новосибирский государственный университет], 2002. С. 106–168.

Бобров, Худяков, 2003 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных статей. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 66–212.

Бобров, Худяков, 2008 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774, [1] с., [8] с. вкл. (Historia militaris).

Богатская, 2014 — *Богатская И.А.* «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. Том 1. М.: [Миттель Пресс], 2014. 422, [2] с.

Бокщанин, Непомнин, 2002 — *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 430 с.

Вельтман, 1844 — [*Вельтман А.Ф.*] Московская Оружейная палата. М.: В Типографии И. Степанова, 1844. 171, [1], 74, [2], VIII с.

Вельтман, 1860 — [*Вельтман А.Ф.*] Московская Оружейная палата. Второе, вновь составленное, издание. [М.]: В Типографии Бахметева, 1860. [6], 288 с.

Государева Оружейная палата, 2002 — Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 407, [1] с. (Сто предметов из собрания российских императоров).

Древности Российского государства, 1853 — Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. III: Броня, оружие, кареты и конская сбруя / Рис. ак. Ф. Солнцевым. М.: В типографии Александра Семена, 1853. [4], III, [1], XXIII, [1], [2], 152 с.

Зайцев, Сизова, 2015 — *Зайцев В.П., Сизова А.А.* Икона с изображением китайского буддийского пантеона из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2015 (осень—зима). № 2(23). С. 96–115.

Запретный город, 2007 — Запретный город. Сокровища китайских императоров. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2007. 179, [1] с.

Кычанов, 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 317, [3] с.

Лю Юнхуа, 2003 — *Лю Юнхуа* 刘永华. Чжунго гудай цзюньжун фуши 中国古代军戎服饰 [Древнее военное обмундирование Китая]. Шанхай 上海: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2003. [2], 5, [1], 211 с.

Лю Юнхуа, 2013 — *Лю Юнхуа* 刘永华. Чжунго гудай цзюньжун фуши 中国古代军戎服饰 [Древнее военное обмундирование Китая]. Пекин : Цинхуа дасюэ чубаньшэ 清华大学出版社, 2013. [2], xi, [1], 302 с.

Маньвэнь лао дан, 2013 — Маньвэнь лао дан: Старый архив на маньчжурском языке / Под ред. В.Е. Ларичева; Пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. 273, [3] с., [6] с. вкл. (История и культура востока Азии).

Мишуков, 1954 — *Мишуков Ф.Я.* Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты / Под ред. С.К. Богоявленского и Г.А. Новицкого. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1954. С. 115–136, 561–562 (примеч.), [2] л. вкл.

Непомнин, 2005 — *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 712 с.

Оленин, 1824а — [*Оленин А.Н.*] Ом. Мани. Падме. Аум. Безпрестанная молитва ламаитов. Письмо о сем предмете А. О. к Е. Ф. Тимковскому // [*Тимковский Е.Ф.*] Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах. С картою, чертежами и рисунками. Печатано по Высочайшему повелению, иждивением казны. Часть третья: Возвращение в Россию и Взгляд на Монголию. Санктпетербург: В Типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. 38, [4] с., [4] л. ил. (отд. пагинация).

Оленин, 1824б — [*Оленин А.Н.*] Письмо А. О. к Е.Ф. Тимковскому о безпрестанной молитве ламаитов, с четырьмя гравированными досками : Из третьей части Путешествия в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах. Санктпетербург: В типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. [2], 38, [4] с., [4] л. ил.

Опись..., 1884 — Опись Московской Оружейной палаты. Часть третья. Книга вторая: Броня / [Сост. Л.П. Яковлевым]. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. 312, X с.

Опись..., 1885 — Опись Московской Оружейной палаты. Часть четвертая. Книга третья: Холодное оружие / [Сост. Л.П. Яковлевым]. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1885. 348, XXI с.

Опись..., 2014 — Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года / Подготовка к публикации текста описи и составление указателей М.Ю. Горькова, С.П. Орленко; Научный консультант Т.С. Борисова. М.: [Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”»], 2014. 191, [1] с.

Рисунки..., 1884 — Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты / Фототипии худож. [М.М.] Панова. [М.]: [б. и.], [1884]. 500 л.

РКО, 1969 — Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. В 2-х т. Т. 1: 1608–1683 / Составление и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Комментарии и историческое введение В.С. Мясников; Археографическое введение Н.Ф. Демидова; Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Ред. Л.И. Думан. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. 612, [4] с.

РМО, 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 468, [4] с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Савваитов, 1865 — [*Савваитов П.И.*] Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конскаго прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты : С объяснительным указателем / [соч.] Павла Савваитова. Санктпетербург: В типографии Императорской Академии наук, 1865. [2], 350 с., 12 табл. рис.

Смирнова, 1973 — *Смирнова Е.И.* К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие» Описи Московской Оружейной палаты // Материалы и исследования. [Вып.] I / Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1973. С. 34–40.

Тимковский, 1824 — [*Тимковский Е.Ф.*] Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах. С картою, чертежами и рисунками. Печатано по Высочайшему повелению, иждивением казны. Часть третья: Возвращение в Россию и Взгляд на Монголию. Санктпетербург: В Типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. [10], 433, 38, [4] с., [4] л. ил. (отд. пагинация).

Тянь Цзыбин и др., 2003 — *Тянь Цзыбин* 田自秉, *У Шушэн* 吴淑生, *Тянь Цин* 田青. Чжунго вэньян ши 中国纹样史 [История китайского орнамента]. Пекин 北京: Гаодэн цзяоюй чубаньшэ 高等教育出版社, 2003. [8], 5, [1], 9, [1], 435 с.

Файбисович, 2006 — *Файбисович В.* Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб.: [Изд-во «Российская национальная библиотека»], 2006. 480 с., [32] с. вкл.

Хуанчао лици туши, 2004 — Хуанчао лици туши 皇朝礼器图式 [Иллюстрированный [свод] образцов (рисунки и образцы) ритуальной утвари царствующей династии] / (Цин) Юньлу дэн бяньчжуань 清· 允禄等 编撰 [Сост. цинский Юньлу (т.е. Иньлу) и др.]; Му Дун дянь цзяо 牧东 点校 [Разметка и сличение текста Му Дуна]. Янчжоу 扬州: Гуанлин шушэ 广陵书社, 2004. [2], 3, [1], [2], 812 с.

Шастина, 1949 — *Шастина Н.П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. [Т.] VI. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 383–395.

Янь Цзыю, 1991 — *Янь Цзыю* 晏子有. Цинчао цзунши фэнцзюэ чжиду чутань 清朝宗室封爵制度初探 [Предварительное исследование системы рангов членов императорского рода династии Цин] // Хэбэй сюэкань 河北学刊. 1991. № 5. С. 67–74.

Beer, 2003 — The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols / Written and Illustrated by Robert Beer. Boston: Shambhala, 2003. xiv, [4], 262 p.

Clarke, 2011 — *Clarke J.* Non-Sculptural Metalworking in Eastern Tibet 1930–2003 // Art in Tibet: Issues in Traditional Tibetan Art from the Seventh to the Twentieth Century: PIATS 2003: Tibetan Studies: Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Oxford, 2003. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 171–181. (Brill’s Tibetan Studies Library; Vol. 10/13).

Douglas, 1978 — Tibetan Tantric Charms and Amulets: 230 Examples Reproduced from Original Woodblocks / Selection and Text by Nik Douglas. New York: Dover Publications, Inc., 1978. xxxiii, [233] p.

Gega Lama, 1983 — *Gega Lama*. Principles of Tibetan Art: Illustrations and explanations of Buddhist iconography and iconometry according to the Karma Gardri School. Vol. II. Darjeeling, W.B.: Jamyang Singe, 1983. 243 p.

Helffer, 1989 — *Helffer M.* Organologie et symbolisme dans la tradition tibétaine. Le cas de la clochette *dril-bu* et du tambour *ḍamaru/cang-te’u* // Cahiers de musiques traditionnelles. 2: Instrumental. Genève: Georg, 1989. P. 33–50.

Klaproth, 1824 — *Klaproth. Om mani padmê khoûm*, prière continuelle des Lamaïtes; lettre sur cet objet adressée à M. Iegor Timkowski, par S. E. Monsieur *Alexis Olenin*, secrétaire-d’état, président de l’Académie des Beaux-Arts, directeur de la Bibliothèque impériale, etc. — Saint-Pétersbourg, 1824. in-8° (en russe) avec quatre planches // Journal Asiatique. 1824, Octobre. Tome V. P. 254–255.

LaRocca, 1996 — *LaRocca D.J.* The Gods of War: Sacred Imagery and the Decoration of Arms and Armor. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1996. 47 p.

LaRocca, 2006 — *LaRocca D.J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet / Donald J. LaRocca, with essays by John Clarke, Amy Heller, and Lozang Jamspal. New York: The Metropolitan Museum of Art ; New Haven; London: Yale University Press, 2006. xii, 307 p.

Rawski, 1998 — *Rawski E.S.* The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1998. xii, 481 p.

Timkovski, 1827a — Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821, Par M. G. Timkovski; Traduit du Russe par M. N********, revu par M. J.-B. Eyriès; Publié, avec des Corrections et des Notes, par M. J. Klaproth; Ouvrage accompagné d'un atlas qui contient toutes les planches de l'original, et plusieurs autres inédites. Tome premier; Tome second. Paris: Librairie Orientale de Dondey-Dupré père et fils, M DCCC XXVII [1827]. T. 1: [8], xij, 478, [2]; T. 2: [4], 459 p.

Timkovski, 1827b — Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821, Par M. G. Timkovski, Traduit du Russe, par M. N******, et revu par M. J.-B. Eyriès; Ouvrage publié, avec des Corrections et des Notes, par M. J. Klaproth. Atlas. Paris: À la Librairie Orientale de Dondey-Dupré père et fils, M DCCC XXVII [1827]. 32, [2] p., 12 pl.

Treasures of the Moscow Kremlin, 1998 — Treasures of the Moscow Kremlin: Arsenal of the Russian Tsars = Сокровища Московского Кремля: Арсенал русских царей : [A Royal Armouries exhibition, HM Tower of London, 13 June 1998 — 13 September 1998]. Leeds: Royal Armouries, 1998. 192 p.

Wayman, 1973 — *Wayman A.* The Buddhist Tantras: Light on Indo-Tibetan Esotericism. New York: Samuel Weiser, 1973.

References

Golubeva, 1988 — *Golubeva O.D.* (1988). Khraniteli mudrosti [The Keepers of wisdom]. Moscow: Knizhnaya palata. 271, [1] p. [in Russian]

Arsenyev, 1902 — *Arsenyev Yu.V.* (1902). K istorii drevnostej Oruzhejnoj palaty [To the history of antiquities of the Armoury chamber] // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete [Papers read in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 3 (202). Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1902. [Dep.] IV: Mix. p. 38–44. [in Russian]

Bobrov, 2016 — *Bobrov L.A.* (2016). Zashchitnoe vooruzhenie cinskogo imperatora Syuan'e (1661–1722) [Armour of Qing Emperor Xuanye (1661–1722)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. Vol. 15. No. 7: Archaeology and Ethnography. p. 158–168. [in Russian]

Bobrov, Ozheredov, 2010 — *Bobrov L.A., Ozheredov Yu.I.* (2010). Pozdnesrednevekovyj pancir'-"halat" voina-buddista iz Central'noj Azii. (Iz istorii "oruzhejnogo" sobraniya MAES TGU) [Late medieval armour-"robe" of the warrior-Buddhist from Central Asia. (From the history of the TSU MAES's "armour" collection)]// Materials and researches of ancient, medieval and new history of North and Central Asia. Issue 1. Tomsk: Tomsk State University, 2010. p. 7–64. (Proceedings of Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia; Vol. III). [in Russian]

Bobrov I dr., 2015 — *Bobrov L.A.*, *Pastukhov A.M.*, *Belousova N.E.* (2015). Shlemy cinskih imperatorov XVII — nachala XIX vv. (po materialam *Huanchao lici tushi*) [Helmets of Qing emperors of the 17th to the early 19th centuries (based on the materials of the *Huangchao liqi tushi*)] // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 45-ya nauchnaya konferenciya [Society and State in China: the 45th scientific conference]. Vol. 45. Part 1. Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. p. 90–101. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2002 — *Bobrov L.A.*, *Khudyakov Yu.S.* (2002). Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina perioda pozdnego srednevekov'ya [Protective armament of the Middle Asian warrior of the late Middle Ages]. Voennoe delo nomadov Severnoj i Central'noj Azii: Sbornik nauchnykh statej[Warfare of the nomads of the Northern and Central Asia: Collection of papers]. Novosibirsk: [Novosibirsk State University]. p. 106–168. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2003 —*Bobrov L.A.*, *Khudyakov Yu.S.* (2003). Evolyuciya zashchitnogo vooruzheniya chzhurchzhenej i man'chzhurov v periody razvitogo, pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni [Evolution of protective armament of the Jurchen and Manchu people during the High, Late Medievaland Modern ages] // Arkheologiya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii pozdnego srednevekov'ya: Sbornik nauchnykh statej [Archaeology of Southern Siberia and Central Asia of the late Middle Ages: Collection of papers]. Novosibirsk: OOO "RTF". p. 66–212. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 — *Bobrov L.A.*, *Khudyakov Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern ages (15th — first half of the 18th century A.D.)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology. 774, [1] p., [8] p. of pl. (Historia militaris). [in Russian]

Bogatskaya, 2014 — *Bogatskaya I.A.* (2014). "Rossijskie drevnosti" v proizvedeniyakh grafiki pervoj poloviny XIX veka. Tom 1 ["The Russian antiquities" in graphic works of the first half of the 19th century. Vol. 1]. Moscow: [Mittel Press]. 422, [2] p.

Bokshchanin, Nepomnin, 2002 — *Bokshchanin A.A.*, *Nepomnin O.E.* (2002). Liki Sredinnogo carstva: Zanimatel'nye i poznavatel'nye syuzhety srednevekovoj istorii Kitaya [Faces of the Middle Kingdom:

Entertaining and informative stories of the medieval history of China]. Moscow: Izdatel'skya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 430 p. [in Russian]

Veltman, 1844 — *Veltman A.F.* (1844). Moskovskaya Oruzhejnaya palata[Moscow Armoury chamber]. Moscow: V Tipografii I. Stepanova. 171, [1], 74, [2], VIII p. [in Russian]

Veltman, 1860 — *Veltman A.F.* (1860). Moskovskaya Oruzhejnaya palata.Vtoroe, vnov' sostavlennoe, izdanie [Moscow Armoury chamber. Second, newly compiled edition]. [Moscow]: V Tipografii Bakhmeteva. [6], 288 p. [in Russian]

Gosudareva Oruzhejnaya palata, 2002 — Gosudareva Oruzhejnaya palata [Armoury chamber of the Russian tsars]. St. Petersburg: Atlant, 2002. 407, [1] p. (Sto predmetov iz sobraniya rossijskikh imperatorov [One hundred items from the collection of the Russian emperors]). [in Russian]

Drevnosti Rossijskogo gosudarstva, 1853 — Drevnosti Rossijskogo gosudarstva, izdannye po vysochajshemu poveleniyu gosudarya imperatora Nikolaya I. Otd. III: Bronya, oruzhie, karety i konskaya sbruya [Antiquities of the Russian state issued by imperial order of the Emperor Nicholas I. Division 3: Armour, weapons, carriages, and horse harness]. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena, 1853. [4], III, [1], XXIII, [1], [2], 152 p. [in Russian]

Zaytsev, Sizova, 2015 — *Zaytsev V.P.*, *Sizova A.A.* (2015). Ikona s izobrazheniem kitajskogo buddijskogo panteona iz kollekcii IVR RAN [Icon depicting the Chinese Buddhist pantheon from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]// Pis'mennye pamyatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]. No. 2(23). p. 96–115. [in Russian]

Forbidden city, 2007 — Zapretnyj gorod. Sokrovishcha kitajskikh imperatorov [The Forbidden city. Treasures of emperors of China]. Moscow: Publishing and Printing Center "Khudozhnik i kniga", 2007. 179, [1] p. [in Russian]

Kychanov, 1997 — *Kychanov E.I.* (1997). Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov [Nomadic states from the Huns to the Manchu]. Moscow: Izdatel'skya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 317, [3] p. [in Russian]

Liu Yonghua, 2003 — *Liu Yonghua*刘永华. (2003). Zhongguo gudai junrong fushi 中国古代军戎服饰 [Ancient Chinese armour]. Shanghai 上海: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 2003. [2], 5, [1], 211 p. [in Chinese]

Liu Yonghua, 2013 — *Liu Yonghua*刘永华. Zhongguo gudai junrong fushi 中国古代军戎服饰 [Ancient Chinese armour]. Beijing北京: Qinghua daxue chubanshe 清华大学出版社, 2013. [2], xi, [1], 302 p. [in Chinese]

Man'ven' laodan, 2013 — Man'ven' lao dan: Staryj arkhiv na man'chzhurskom yazyke [Manwen Lao Dang: The Old archives in the Manchu language]. Edited by V.Ye. Larichev; Translated from the Manchu language by L.V. Turumina. Novosibirsk: The Institute of Archaeology and Ethnography Press, 2013. 273, [3] p., [6] p. incl. (History and culture of East Asia). [in Russian]

Mishukov, 1954 — *Mishukov F.Ya.* (1954). Zolotaya nasechka i inkrustaciya na drevnem vooruzhenii [Gold damascening and inlay on antique weapons] //Gosudarstvennaya Oruzhejnaya palata Moskovskogo Kremlya: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoj Oruzhejnoj Palaty [The State Armoury Chamber of the Moscow Kremlin: Collection of scientific papers on the materials of the State Armoury Chamber]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Iskusstvo". p. 115–136, 561–562 (notes), [2] pl. [in Russian]

Nepomnin, 2005 — *Nepomnin O.E.* (2005). Istoriya Kitaya: Epokha Cin. XVII — nachalo XX veka [A History of China: the Qing era: 17th to the beginning of the 20th century]. Moscow: Izdatel'skya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 712 p. [in Russian]

Olenin, 1824a — [*Olenin A.N.*] (1824). Om. Mani. Padme. Aum. Bezprestannaya molitva lamaitov. Pis'mo o sem predmete A.O. k E.F. Timkovskomu [Om. Mani. Padme. Aum. Lamaists' continual prayer. A Letter of A.O. to E.F. Timkovsky on this subject]//[*Timkovsky E.F.*]. Puteshestvie v Kitaj chrez Mongoliyu, v 1820 i 1821 godakh. S kartoyu, chertezhami i risunkami.Chast' tret'ya: Vozvrashchenie v Rossiyu i Vzglyad na Mongoliyu [A Journey to China through Mongolia in the years 1820 and 1821. With map, sketches and drawings. Part 3: Return to Russia and look at Mongolia]. St. Petersburg: V Tipografii Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. 38, [4] p., [4] pl. (separate pagination). [in Russian]

Olenin, 1824b — [*Olenin A.N.*] (1824). Pis'mo A.O. k E.F. Timkovskomu o bezprestannoj molitve lamaitov, s chetyr'mya gravirovannymi doskami: Iz tret'ej chasti Puteshestviya v Kitaj chrez Mongoliyu v 1820 i 1821 godakh [A Letter of A.O. to E.F. Timkovsky onlamaists' continual prayer, with four engraved planks: From third part of A Journey to China through Mongolia in the years 1820 and 1821]. St. Petersburg: V Tipografii Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. [2], 38, [4] p., [4] pl. [in Russian]

Opis'..., 1884 — Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Inventory of the Moscow Armoury Chamber].Chapter 3. Book 2: Bronya [Armour]. Moscow: Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1884. 312, X p. [in Russian]

Opis'..., 1885 — Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Inventory of the Moscow Armoury Chamber]. Chapter 4. Book 3: Holodnoe oruzhie [Cold arms]. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1885. 348, XXI p. [in Russian]

Opis'..., 2014 — Opis' carskoj kazny na Kazennom dvore 1640 goda [Inventory of the Tsar's treasury at the Kazenny Dvor (Treasury Court) 1640].Moscow: [The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site], 2014. 191, [1] p. [in Russian]

Risunki..., 1884 — Risunki k Opisi Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Drawings to the Inventory of the Moscow Armoury Chamber]. [Moscow]: [s. n.], [1884]. 500 ff. [in Russian]

RKO, 1969 — Russko-kitajskie otnosheniya v XVII veke. Materialy i dokumenty.V dvukh tomakh. Tom 1: 1608–1683 [Russian-Chinese relations in the 18th century. Materials and documents. In two volumes.Vol. 1: 1608–1683]. Moscow: Nauka, 1969. 612, [4] p. [in Russian]

RMO, 1974 — Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian relations. 1636–1654. Collection of documents]. Moscow: Nauka, 1974. 468, [4] p. (Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy [Materials on the history of Russian-Mongolian relations]). [in Russian]

Savvaitov, 1865 — [*Savvaitov P.I.*] (1865). Opisanie starinnyh carskih utvarej, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskago pribora, izvlechennoe iz rukopisej Arkhiva Moskovskoj Oruzhejnoj palaty: S ob"yasnitel'nym ukazatelem. [Soch.] Pavla Savvaitova [Description of ancient Tsar's utensil, clothes, weapons, armours and horse caparison, extracted from manuscripts of the Archives of the Moscow Armoury Chamber: With an explanatory index. [Compiled] by Pavel Savvaitov]. St. Petersburg: V Tipografii Imperatorskoj Akademii nauk. [2], 350 p., 12 tabl. [in Russian]

Smirnova, 1973 — *Smirnova E.I.* (1973). K voprosu ob avtorstve knig "Holodnoe oruzhie", "Bronya" i "Ognestrel'noe oruzhie" Opisi Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Towards the question of the authorship of the books "Cold arms", "Armour" and "Firearms" of the Inventory of the Moscow Armoury Chamber]// Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya [State Museums of the Moscow Kremlin: Materials and researches]. [Vol.] I. Moscow: Iskusstvo. p. 34–40. [in Russian]

Timkovsky, 1824 — [*Timkovsky E.F.*] (1824). Puteshestvie v Kitaj chrez Mongoliyu, v 1820 i 1821 godakh. S kartoyu, chertezhami i risunkami. Chast' tret'ya: Vozvrashchenie v Rossiyu i Vzglyad na Mongoliyu [A Journey to China through Mongolia in the years 1820 and 1821. With map, sketches and drawings.Part 3: Return to Russia and look at Mongolia]. St. Petersburg: V Tipografii Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. [10], 433, 38, [4] p., [4] pl. (separate pagination). [in Russian]

Tian Zibing et al., 2003 — *Tian Zibing* 田自秉(2003). Zhongguo wenyang shi 中国纹样史[History of Chinese ornament]. Beijing 北京: Gaodeng jiaoyu chubanshe高等教育出版社. [8], 5, [1], 9, [1], 435 p. [in Chinese]

Faibisovich, 2006 — *Faibisovich V.* (2006). Aleksej Nikolaevich Olenin. Opyt nauchnoj biografii[Alexey Nikolayevich Olenin: Essay on an academic biography]. St. Petersburg: [Rossijskaya nacional'naya biblioteka]. 480 p. [in Russian]

Huangchao liqi tushi, 2004 — Huangchao liqi tushi 皇朝礼器图式 [Illustrated regulations for ceremonial paraphernalia of the Qing dynasty] / (Qing) Yunlu deng bianzhuan 清・允禄等编撰 [Comp. (Qing) Yunlu (i.e. Yinlu) et al.]; Mu Dong dianjiao 牧东点校 [Collation by Mu Dong]. Yangzhou 扬州: Guangling shushe 广陵书社, [2], 3, [1], [2], 812 p.[in Chinese]

Shastina, 1949 — *Shastina N.P.* (1949). Altyn-hany Zapadnoj Mongolii v XVII v.[The Altyn-khans of Western Mongolia in the 17th century]. *Sovetskoe vostokovedenie*. [Vol.]6. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, p. 383–395. [in Russian]

Yan Ziyou, 1991 — *Yan Ziyou*晏子有 (1991). Qingchao zongshi fengjue zhidu chutan清朝宗室封爵制度初探 [A Preliminary discussion of the investiture system of the Qing main descent line] // Hebei xuekan 河北学刊. No. 5.p. 67–74. [in Chinese]

УДК 903.22

Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х— середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля

Леонид Александрович Бобров [a, *], Вячеслав Петрович Зайцев [b], Сергей Павлович Орленко [c], Алексей Викторович Сальников [d]

[a] Новосибирский государственный университет, Российская Федерация
[b] Институт восточных рукописей Российской академии наук, Российская Федерация
[c] Музеи Московского Кремля, Оружейная палата, Российская Федерация
[d] Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

[*] Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), sldr76@gmail.com (В.П. Зайцев), orlenko@kremlin.museum.ru (С.П. Орленко), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Аннотация. Среди памятников оружейного мастерства в собрании Оружейной палаты Музеев Московского Кремля хранится уникальный восточноазиатский шлем, имеющий инвентарный номер ОР–2057. На протяжении последних двухсот лет изображения и краткие описания данного шлема неоднократно воспроизводились в различных работах — от военно-исторических до филологических, однако сам он еще не становился объектом специального научного оружиеведческого исследования.

Комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников, позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ОР–2057, а также обстоятельства его поступления в Оружейную палату Московского Кремля.

Первые упоминания о рассматриваемом наголовье в русской служебной документации связаны с посольством С. Греченина и Б. Карташева к правителю монголов-хотогойтов Омбо-Эрдэни-хунтайджи и ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо, продолжавшемуся с 28 августа 1636 г. по 23 апреля 1637 г. (по старому стилю). В ходе переговоров, в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо преподнес шлем в качестве «дани» царю Михаилу Федоровичу. 28 октября 1637 г. наголовье поступило на хранение в сокровищницу Казенного двора, а затем в Оружейную палату Московского Кремля.

По результатам проведенного анализа установлено, что шлем изготовлен в рамках поздней чжурчжэньской (ранней маньчжурской) оружейной традиции во второй половине 10-х — середине 30-х гг. XVII в. в одной из мастерских государства Хоу Цзинь (1616–1636).[1] Таким образом, рассматриваемое наголовье может быть атрибутировано как поздний чжурчжэньский или ранний маньчжурский шлем времен Нурхаци (1559–1626) и Хуантайцзи (1592–1643).[2]

Привилегией ношения шлема с подобным декоративным оформлением во времена Цинской империи (1636–1912) обладали (согласно «Хуанчао лици туши») лишь представители узкой прослойки маньчжурской и монгольской аристократии — «князья крови» первой и второй степени, то есть *цинь-ваны* и *цзюнь-ваны* (носители второго и третьего по значимости титула в Цинской империи). Это позволяет предположить, что шлем ОР–2057 мог быть первоначально изготовлен для одного из представителей высшей знати чжурчжэньского (маньчжурского) государства, социальный статус которого был близок или эквивалентен статусу лиц, получавших титулы *цинь-ван* или *цзюнь-ван* в цинский период. Таким образом, шлем ОР–2057 является одним из самых ранних известных на сегодняшний день наголовий позднечжурчжэньского (маньчжурского) производства, которое может быть с высокой степенью надежности датировано и соотнесено с комплексом вооружения аристократии государства Хоу Цзинь. Последний факт предопределяет исключительную научную ценность рассматриваемого шлема в качестве эталона при датировке и атрибуции хоу-цзиньских и цинских шлемов первой половины XVII в. из музейных и частных собраний России и других стран.

Ключевые слова: Восточная Азия, Цинская империя, Хоу Цзинь, защитное вооружение, шлем.

[1] С 1636 г. — Цинской империи.

[2] Обстоятельства передачи шлема представителям буддийского духовенства в Монголии в настоящее время не установлены. Наиболее вероятно, что шлем был передан ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо в качестве подношения во время одной из его многочисленных поездок по различным регионам Центральной и Восточной Азии.

Былые годы. 2017. 46(4)
Российский исторический журнал

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны, Россия)
канд. ист. наук

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Учредитель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия
Соучредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Адрес для писем:

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.12.2017 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 51.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография периода присоединения Азии

BYLYE GODY (FORETIME). 2017. 46(4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY, RUSSIA)
PhD (History)

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic
Co-publisher – Sochi State University, Russian Federation

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava,
Nove Mesto, 831 04

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the journal site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.12.2017
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 51.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo of the period of Asia's accession

CONTENTS

ARTICLES AND STATEMENTS

The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin
Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V. 1140

The Formation of Entrepreneurship in Russia: Historical Background and Modernity
Dudin M.N., Smirnov W.V., Rusakova E.P. 1174

The Formation and Discharge service of the Cossacks of Siberia in the XVIII century
Puzanov V.D. 1184

Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity
Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. 1194

On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century)
Shaidurov V.N. 1207

The Military Factor and the Mobilization Wave Mechanism as the Main Features of Modernization in Russia during the Imperial Period
Samokhin K.V., Korolyova L.Yu. 1219

The Development of Russia-Mountain People Interaction in the last quarter of XVIII century in the Context of Factors, Prospective and Problems of Integrating of Mountain People into Imperial State System
Vinogradov B.V. 1229

To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century
Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V. 1237

At the Origins of the Formation of the Entrepreneurial Layer Among the Handicraftsmen in the Central Chernozem Region
Dushkova N.A., Grigorova V.A. 1244

Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities
Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. 1252

The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I
Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. 1261

Estimates of the Colonial Policy of Great Britain in Malaya and Singapore
Buranok S.O., Malkin S.G., Levin Y.A. 1275

The Natural Environment in the Daily Life of Disabled People in the Volga region (XIX century)
Nurova O.G. 1283

Sports Training in Parts of the Active Army in the Period of the Caucasian War
Natolochnaya O.V., Chikhladze L.T., Yablochkina I.V., Gordeev I.A. 1291

Transformation of Legal Status and its Influence on the Culture of Native Minorities of the Far East in XIX – Early XX centuries
Akhmetova A.V., Dementeva V.V., Ivaschenko Y.S. 1297

Features of Regional Management in Russia: Historical and Legal Aspects (on the Example of Kalmykia)
Ochir-Garyaeva I.K., Komandzhaev E.A. 1305

The Losses of the Russian army during the Russian-Persian War of 1826–1828: the Historical-Statistical Study
Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. 1315

Understanding of Kazakh Volost by Russian Officials of the XIX century
Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U. 1322

Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis)
Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya. 1333

From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century)
Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. 1345

Ethnographic Researches of Ecological Culture of the Peoples of the Volga region in the XIX – early XX centuries
Lepeshkina L.Y. 1357

Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations
Izbassarova G.B. 1366

“Study of the Livles Remnants, Descendants of the Primitive Inhabitants of the Province”: A. Sjögren and F. Wiedemann Scientific Activity in the middle of XIX c.
Kolesov V.I. 1376

Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century
Likhachev E.N., Pustovetov G.I., Likhacheva A.E. 1386

The Cruising Service of the Black Sea Fleet in the 1860s: Regulations and Practical Application
Okatiev N.A., Ostrovskaya A.A., Makarov Y.N. 1395

"Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II
A.Y. Peretyatko 1401

Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court
Nemytina M.V., N.N. Efremova, Mikheeva T.Ts. 1416

"Exchanging the Past": Historical Memory, Money and National Identity in the Russian Empire and Central Europe in second half of XIX – early XX centuries
Golovashina O.V., Linchenko A.A. 1433

N.K. Mikhailovski and the Democratic Movement in Russia in the second half of the XIX century: Political Doctrine and Activity (to the 175th Anniversary of Birthday)
Blokhin V.V., Soloviev E.A. 1443

Night as a Special Dimension of Human Life in the Cultural Life of the Russian Provincial Town in terms of the Historical end of the late 19th – early 20th century
Menshikova E.N., Semenov M.Y., Kozlov K.V., Dvoretskiy E.V. 1454

The Concepts of Multifactor and the Historical Regularity in Russian Liberal Historical Thought at the turn of XIX and XX centuries
Konovalov A.A., Tamazov M.S., Shorova M.B., Mirzoeva S.G. 1468

The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontery Modernization
Lysenko Y.A., Goncharov Y.M. 1480

Local Authorities and Prostitution in Pre-Revolutionary Siberia
(on materials of the city of Tyumen) 1488
Alexander B. Khramtsov .....

The Role of the "Siberian Trade Newspaper" in the Development of the Advertising Business of Merchant Tyumen at the end of the 19th century
Stavetskaya I.V., Medvedeva N.G. 1497

The Socio-Economic Situation of Omsk at the beginning of the 20th century
Sungurov P.A. 1508

Historical Sources of the early XX century about the Siberian Students:
an Analysis of Archival Data and Published Materials
Cherepanova V.N., Putilina Y.V., Savitskaya Y.P. 1517

Location of the Industry and Industrial Typology of the Counties
of the Central Chernozem region in the early XX century
Zhitin R.M., Topilsky A.G. 1525

The Role of Russian Diplomatic Mission in Beijing in Safeguarding Russia's Interests
in the Establishment of the Statehood of Barga (1912–1915)
Dudin P.N. 1534

Charitable Siberian Students at the turn of XIX–XX centuries
Pivovarova I.V., Zubareva J.V. 1546

Regulation of Behavior of Studying Youth of Siberia at the turn of XIX–XX centuries 1554
Rodina V.N. .....

Socio-Demographic Characteristics of Siberian students in the early twentieth century
(on materials of the journal "Siberian student": 1914–1916)
Ustinova O.V., Kirilova O.V. 1563

Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov
Trut V.P., Borodin S.V., Tarakanov V.V. 1572

Networking in Scientific Projects on Naval History
Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V.,
Dashyan A.V., Mitrofanov A.F. 1582

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2017 1591